

TARTU RIIKLIKU ÜLIKOOLI TOIMETISED
УЧЕННЫЕ ЗАПИСКИ
ТАРТУСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА
ALUSTATUD 1893. a. VIHK 119 ВЫПУСК ОСНОВАНЫ В 1893 г.

**ТРУДЫ ПО РУССКОЙ И
СЛАВЯНСКОЙ ФИЛОЛОГИИ**

V

АЛ. БЛОК И Л. Н. ТОЛСТОЙ

З. Г. Минц.

Тема «Блок и Толстой» еще недостаточно изучена. В научной литературе мы находим лишь упоминание о статье Блока «Солнце над Россией» и заметке о Толстом — без попыток проанализировать их детально. В комментариях В. Н. Орлова к Собранию сочинений Ал. Блока содержатся весьма интересные указания на связь этих статей с наброском в записной книжке и с концовкой стихотворения «Май жестокий с белыми ночами...»² Остальные (весьма, как мы увидим, многочисленные и интересные) высказывания Блока о Толстом почти не привлекали внимания исследователей. Нет и специальных работ о смысле и значении толстовской художественной традиции для поэзии Блока.

Между тем, постановка этого вопроса не просто правомерна — без решения его (как и без анализа более общего вопроса о значении для Блока конца 1900-х — начала 1910-х гг. традиций русской реалистической литературы XIX века) многое; в мировоззрении и творчестве поэта оказывается не до конца понятым.

Блок, поэт глубоких противоречий, постоянных исканий, шёл, однако, к поэмам «Возмездие» и «Двенадцать» — по (так и не завершённому, не пройденному до конца!) пути к реализму. На этом пути он не мог не встретить Толстого — и встретил его. При этом на каждом из этапов эволюции от «соловьёвской мистики» к поэзии «горестной земли» Блок по-новому осмыслял творчество Толстого. И чем дальше уходил поэт от художественного мироощущения «Стихов о Прекрасной Даме», тем чаще становились его размышления о Толстом, тем глубже и органичнее — линии творческого соприкосновения. Правда, пути Тол-

¹ См.: Александр Блок, Собрание сочинений в 12 тт., т. IX, Л., «Советский писатель», 1936, стр. 232.

² См.: Александр Блок, Собрание сочинений в 8 тт., т. 3, М.-Л., ГИХЛ, 1960, стр. 556. Краткую характеристику отношения А. Блока периода реакции к Л. Н. Толстому находим также в кн.: Вл. Орлов, Александр Блок, Очерк творчества, М., ГИХЛ, 1956, стр. 110. В дальнейшем в ссылках на 12-томное издание тома даются в римской, на 8-томное — в арабской нумерации.

стого и Блока всегда оставались во многом различными, подчас — диаметрально противоположными. Сами различия очень знаменательны: это разные возможности, «полюсы» развития прогрессивного, но не пролетарского искусства конца XIX — начала XX века. Этим, однако, определяется и общность позиций двух столь различных художников.

В своей статье мы не ставим целью ответить на все вопросы, возникающие в связи с темой «Блок и Толстой». Хотелось бы, прежде всего, решить основные проблемы: каковы конкретные причины обращения Блока к толстовской традиции и основные линии воздействия этой традиции на творчество Блока, а также — как именно интерпретируется реалистическое наследие Толстого поэтом начала XX века. Без ответа на эти вопросы, как представляется, невозможно будет понять самую суть творческих «встреч» Блока и Толстого (к полному перечислению которых мы не стремимся).

*
*   *   *

В доме Бекетовых, известном литературными интересами, произведения Л. Н. Толстого знали и любили. Говоря о своей бабушке, Е. Г. Бекетовой, Ал. Блок отмечает, что «она знала лично многих наших писателей», в частности — встречалась с Толстым, и была отличным знатоком русской литературы, хотя «жизненность и живучесть» её вкусов обусловили «ненависть» её к «нравственным проповедям Толстого».³ Комедия Л. Н. Толстого «Плоды просвещения» была первой пьесой, которую 13-летний Блок увидел в театре. Пьеса произвела на него огромное впечатление и положила начало многолетнему увлечению Блока театром.⁴ По-видимому, основные произведения Толстого были прочитаны Блоком уже в гимназические и первые университетские годы. По крайней мере, в 1908 г. в письме к матери поэт сообщает о своем желании *перечитать* Толстого, книги которого отсутствуют в его библиотеке. В детальном же воспоминании поэта о его настроениях, встречах и литературных вкусах конца XIX — начала XX в. чтение Толстого не упоминается.⁵ Естественно предположить, что первое знакомство с творчеством гениального художника относится ко времени до начала увлечения Блока искусством fin de siècle и философией Вл. Соловьева.

Однако в размышлениях и поэзии молодого Блока творчество Толстого сколько-нибудь заметной роли не играло. Точек

³ А. Блок, Собрание сочинений, т. I, Л., 1934, стр. 82.

⁴ См.: М. А. Бекетова, Александр Блок, Биографический очерк, 2. издание, Л., изд. «Academia», 1930, стр. 54.

⁵ Кроме — опять-таки повторного — чтения в 1903 г. «Войны и мира» (см. ниже, стр. 235 наст. работы). Нет упоминаний о Толстом и в дневнике Блока этих лет (см.: Литературное наследство, т. 27—28, стр. 308—357).

соприкосновения с эстетикой реализма у автора «Ante lucem» и «Стихов о Прекрасной Даме» почти не было — не было и интереса к Л. Н. Толстому. Упоминание имени Толстого в эти годы редко и носит случайный характер. Так, в записной книжке 1902 года Блок при посещении Третьяковской галереи выделяет репинский портрет Л. Н. Толстого.⁶ 8 июля 1903 г. Блок пишет отцу из Bad-Nauheim'a, что здесь «в витринах привлекают внимание запрещенные издания (по-русски) <...> Очень много толстовских книг».⁷ В конце 1905 г. Толстой упомянут в шуточном письме матери как символ литературной «маститости»: «Henrik Ibsen aus Norwegien und Leon Tolstoj aus «Jasnaja Poljana» haben mir sein Gruss und Kuss geschickt».⁸ То, что никаких серьезных размышлений у Блока в конце XIX — начале XX вв. с именем Л. Н. Толстого не связывалось, ясно видно из следующего эпизода. В декабре 1898 г. А. Блок и Л. Д. Менделеева были в Петровском зале на вечере, посвященном 70-летию со дня рождения Толстого.⁹ 20 декабря Блок написал под впечатлением этого события стихотворение «На вечере в честь Л. Толстого», не вошедшее в основное собрание стихотворений поэта, но примыкающее к той части цикла «Ante lucern» которая непосредственно предворяет «Стихи о Прекрасной Даме». Хотя в названии стихотворения стоит имя Толстого, в тексте произведения образ писателя отсутствует. Чествование Толстого — лишь внешний фон, на котором раскрывается лирическое (и — отчасти — предмистическое) содержание стихотворения — сложные переживания лирического героя и «Её». Лишь последняя строфа упоминает о Л. Н. Толстом в сравнительном обороте:

И мне хотелось блеском славы
 Зажечь любовь к Тебе на миг,
 Как этот старец величавый
 Себя кумиром здесь воздвиг. —¹⁰

Однако пунктиром намеченное здесь понимание Толстого как гения (и — в этом смысле — идеала поэта) весьма общо и никак не обнаруживает интереса к творчеству именно этого писателя.

Далек Блок от подобного интереса и в период «антитезы» — отхода от соловьевского мистицизма к субъективизму «Балаганчика» и «Снежной маски». Правда, именно в эти годы поэт, разочаровавшийся в «голосах миров иных», гораздо шире, чем раньше, обращается к темам, навеянным «земными» впечатле-

⁶ См. Записные книжки Ал. Блока, Л., Изд. «Прибой», 1930, стр. 17.

⁷ Письма Александра Блока к родным, т. I, Л., изд. «Academia», 1927, стр. 87.

⁸ Там же, стр. 149.

⁹ См.: Дневник Ал. Блока, 1917—1921, Л., Издательство писателей в Ленинграде, 1928, стр. 124.

¹⁰ А. Блок, Собрание сочинений, т. I, М. —Л., ГИХЛ, 1960, стр. 335.

ниями (природой в «Пузырях земли», городом, земной страстью, явлениями политической и социальной жизни в циклах «Распутья», «Город»). Однако это — разумеется, очень важное для Блока — изменение сферы изображения еще не привело к возникновению принципиально новых средств отображения: «высокая» мистика сменилась «мистикой повседневною». И вполне естественно, что хотя именно в это время у Блока возникает интерес к реалистическому искусству XIX в., — интерес этот пока сосредоточивается, в основном, на «мистическом реализме» (Блок) Ф. Достоевского. Нельзя сказать, конечно, что с именем Толстого у Блока в начале XX в. не связывалось ничего, кроме воспоминаний о культурных интересах «бекетовского дома». Однако то «новое», что получил поэт-символист в кругу своих первых учителей, было специфичным. Бесспорно, что первой усвоенной Блоком «концепцией» Толстого была точка зрения Д. С. Мережковского, автора книги «Толстой и Достоевский», произведшей на поэта вначале очень сильное впечатление.¹¹ Интересно, что первой попыткой Блока преодолеть влияние Мережковского было перечитывание в августе 1903 года «Войны и мира». В результате этого Блок с радостью почувствовал себя свободным от влияний автора «Толстого и Достоевского», «отрезал себя» от них.¹² Однако сформулировать *свое* отношение к Толстому Блок этих лет еще не может. Его позиция пока — чисто негативная, «антимережковская».

Возникновение интереса к Толстому (а вместе с ним — и активное преодоление концепций Мережковского) легко определяется хронологически. Это — 1907 год, время разгула реакции и, вместе с тем, — роста у Блока настроений политической активности, ненависти к «страшному миру» русской действительности, начала размышлений о народе и интеллигенции.

Внешний толчок к размышлениям о творчестве Толстого могла дать также и атмосфера подготовки и проведения толстовского юбилея в 1908 г.

4 августа 1908 г. Блок пишет матери: «Очень хочу перечитать Толстого и Тургенева, но у меня их нет. Приобрету, когда

¹¹ Ср.: «В то время эти книги («Толстой и Достоевский» и «Н. В. Гоголь» — З. М.) были приняты символистами, и в том числе Блоком, как события» (Г. Чулков, Александр Блок и его время, в кн.: Письма Александра Блока, Л., «Колос», 1925, стр. 102). 26 марта 1902 г. Блок получил от З. Н. Гиппиус рукопись рецензии А. Белого на книгу Д. С. Мережковского. (см.: Юношеский дневник А. Блока, Литературное наследство, т. 27—28, стр. 325), а 2 апреля пишет о желании прочесть эту «очень важную» для него книгу (там же, стр. 328). В июле этого года, читая «Толстого и Достоевского», Блок называет Мережковского «талантливейшим» (там же, стр. 338). 13 декабря 1902 г. в «Заметке о Мережковском» Блок уже критикует его за схоластический рационализм, но с мистических позиций (там же стр. 356—357).

¹² См.: Александр Блок. Андрей Белый. Переписка, М., изд. Гослитмузея, 1940, стр. 45.

опять соберутся деньги».¹³ И, очевидно, при первой же возможности Блок, действительно, покупает собрания сочинений обоих писателей-«юбиларов». По крайней мере, уже 18 сентября он сообщает Г. Чулкову: «Перечитываю Толстого и Тургенева. Изумляюсь».¹⁴ Перечитывание произведений Л. Толстого растянулось почти на год,¹⁵ а в дальнейшем Блок то и дело опять возвращается к книгам великого писателя. В 1907—8 гг. имя Толстого всё чаще мелькает в записных книжках поэта, в его письмах к родным и друзьям (Евг. Иванову, А. Белому). Толстой упомянут в первой же Блоковской статье о народе и интеллигенции (««Религиозные искания» и народ», 1907). В 1908 году Блок, ненавидящий всякие «юбилеи», пишет к 80-летию Толстого статью «Солнце над Россией», в которой пытается выяснить причины огромного нравственного влияния Толстого на современников. Тогда же создается и другая, небольшая по объему заметка о Толстом, предназначенная для неосуществленного Петербургского сборника в честь толстовского юбилея.¹⁶ Наконец, в эти же годы результаты размышлений о Толстом и толстовском творчестве начинают отражаться не только в статьях, но и в поэзии и драматургии («Песня судьбы») Ал. Блока.

Чем же, в первую очередь, привлекает Блока Л. Н. Толстой? Прежде всего, необходимо отметить следующее. —

Для Мережковского основные проблемы, возникавшие в связи с творчеством Толстого, были проблемами религиозными, отвлеченно-этическими. Поэтому первые шаги Блока к «своему» пониманию Толстого состояли именно в том, что интерес поэта сосредоточился на политическом и социальном смысле творчества великого писателя. Блоку 1907—8 гг., автору «Страшного мира», чрезвычайно близка беспощадная толстовская критика всех сторон современной русской действительности, русского государственного строя. Не случайно первое развернутое высказывание поэта о Толстом — отзыв о статье «Не могу молчать». В письме матери от 18 июля 1908 г. Блок пишет: «Действительно, мама, удивит<ельная> вещь «Не могу молчать». Толстой благодарил здешние газеты¹⁷ за напечатание (потому что во всей России газеты, напечатавшие статью, — притом это еще не вся, а только 1/3 часть, остальное — в иностранных газетах, — оштрафованы или закрыты, и казна наживет на этой статье

¹³ Письма Александра Блока к родным, т. I, стр. 223.

¹⁴ Письма Александра Блока, Л., «Колос», 1925, стр. 149.

¹⁵ Так, «Анну Каренину» Блок читает, по-видимому, в феврале 1909 г., в Италии (ср. запись от 17. II. 09 в Записных книжках, стр. 106), а «Войну и мир» — в середине июня 1909 г. (См.: Записные книжки Ал. Блока, Л., «Прибой», 1930, стр. 116 и 118).

¹⁶ Заметка опубликована в Собрании сочинений А. Блока (т. IX, Л., «Советский писатель», 1936, стр. 168), а ее черновой вариант — в кн.: Записные книжки Ал. Блока, стр. 88—89.

¹⁷ Письмо послано из Петербурга.

тысяч 10—15)».¹⁸ Далее Блок, со слов Евгения Иванова, излагает историю написания статьи: «В мае Толстой получил статью Леонида Семенова (тоже о казнях) и был очень взволнован её концом (говорил, что ему давно не приходилось читать ничего подобного, это рассказал мне Женя) и писал, очевидно, под влиянием Семенова».¹⁹ Приведенная обширная цитата показывает, что Толстой как писатель и человек для Блока, прежде всего, — борец против реакции, сила, противостоящая государству, «казне».

В статье «Солнце над Россией» центральная мысль состоит также в утверждении величия Толстого как борца с реакцией. Вся статья построена на антитезе «Толстой — реакция («упырь» Победоносцев)». И поэтому, в смысле художественной структуры (термин, вполне применимый к статьям Ал. Блока) «Солнце над Россией» построено на максимальных, предельных контрастах: Толстой — символ всего светлого, ясного в современной жизни, «солнце *над* Россией», Победоносцев — символ всего

¹⁸ Письма Александра Блока к родным, т. I, стр. 218—219.

¹⁹ Там же, стр. 219. Отзыв Толстого о рассказе («статье») Л. Семенова передан Евг. Ивановым (вероятно, со слов Семенова) очень точно (Ср.: Н. Н. Гусев, Два года с Толстым, М., 1928, стр. 154—155). Рассказ Л. Семенова «Отрывки (о смертной казни)» был напечатан по просьбе Л. Н. Толстого в журн. «Вестник Европы» (№ 8, 1908) под названием «Смертная казнь». На рассказе, привлекая внимание Л. Н. гуманными идеи (бесчеловечность смертной казни) и яркостью характеров, лежит отчетливая печать влияния позднего творчества Толстого, прежде всего — «Воскресенья» и «Фальшивого купона». Влияние это сказывается как в деталях постановки вопроса (постоянное подчеркивание «противоестественности» казней одних людей другими, несоответствия этого «природе» человека; противопоставление интересов государства, «целостности империи» — стр. 604 — человечности и правде; человеческое и «долг службы» как враждебные друг другу начала), так и в структуре образов (обусловленность детально раскрываемой психологии героя его социальным положением, с одной стороны, и «природой» — с другой) и в композиции (развитие сюжета дается через галерею образов, глубоко различных индивидуально и, вместе с тем, общих в своей социальной функции палачей и их жертв). В отличие от «Рассказа о семи повешенных» Л. Андреева, у Л. Семенова нет стремления показать патологичность сознания приговоренных к смерти; напротив, именно близость казни пробуждает в героях (инженер, гимназист) всё лучшее, человеческое (ср. «Смерть Ивана Ильича»),

Что касается блоковского предположения о влиянии рассказа Л. Семенова на статью «Не могу молчать», то надо, прежде всего, сказать следующее. Главным «вдохновителем» Толстого были, вообще, не какие-либо литературные источники, а жуткая действительность столяпинской России — ежедневные смертные казни участников недавней революции. Об этом прямо сказал сам писатель (См.: Л. Н. Толстой, Полное собрание сочинений, т. 37, М., ГИХЛ, 1956, стр. 83—84). Однако, очень возможно, что описание (вначале статьи) той обстановки, в которой приводится в исполнение приговор, показ поведения осужденных, солдат, священника и врача, действительно, навеяны рассказом «Смертная казнь».

темного, страшного, олицетворение «подземных» сил.²⁰ При этом Победоносцев (а на противоположном полюсе — и Л. Толстой) для Блока — гораздо больше, чем отдельная, исторически конкретная личность. Речь идет именно о реакции в самых разнообразных ее проявлениях. Это и «политическая реакция», и — шире — «та обыденность и каждодневность, которую мы ощущаем на собственной шкуре, с доподлинной силой и яркостью», и «Святейший Синод», который «запретил радоваться в дни Толстовского юбилея», и «губернаторско-уряднические» действия в дни чествования Толстого. «Зловещей тени» противопоставлены гениальные борцы с реакцией и её жертвы: Пушкин, Лермонтов, Гоголь, Белинский, Добролюбов, Достоевский. И ей же противостоит и «величайший и единственный гений современной

²⁰ Как свидетельствует сам Ал. Блок (Письма Александра Блока к Е. П. Иванову, М.—Л., изд. АН СССР, 1936, стр. 66; см. также комментарий В. Н. Орлова в кн.: Александр Блок, Сочинения в одном томе, М. — Л. ГИХЛ, 1946, стр. 619), статья «Солнце над Россией» была навеяна впечатлениями от романа Брема Стокера «Вампир — граф Дракула» (образ Победоносцева — старого «упыря»). Вопреки мнению А. Космана (См.: Письма Александра Блока к Е. П. Иванову, стр. 121), роман этот в 1900-х гг. переводился на русский язык не один раз (в изд. «Свет», 1902), а, по крайней мере, три (Спб., «Энергия», 1904, и Спб., Типолитография В. В. Комарова), 1902). Однако Блок, действительно, читал издание, указанное Косманом (в издании 1904 г. роман назван «Вампир», а фамилия автора передана как «Брем-Стукер»; в издании же В. В. Комарова роман ошибочно приписан М. Корелли).

Значительно более интересно, однако, другое: чем привлёк Блока этот более чем посредственный приключенческий роман с элементами наивной мистики и уже далекой поэту религиозности? Ответ на этот вопрос даёт, очевидно, не столько сам роман, сколько народный источник, к которому восходит сюжет «Вампира Графа Дракулы», — легенды о дьяволе, воплотившемся в графа, воеводу и т. д. (русская «Повесть о мутьянском воеводе Дракуле», по всей вероятности, известная Блоку; эпизоды из «Космографии» Себ. Мюнстера и др.). Именно из народных источников в роман попало отождествление аристократа (графа) и зла — дьявола, вампира, пьющего кровь других людей, — отождествление, произведшее столь сильное впечатление на Блока и обусловившее построение образа Победоносцева в «Солнце над Россией».

То место романа, где описывается, как на месте души у графа оказывается дыра, из которой сыплются банковские билеты и деньги, было, конечно, очень близким автору «Страшного мира». И эти впечатления от романа, бесспорно, сложно ассоциировались у Блока с толстовской критикой буржуазных общественных отношений.

Возможно, однако, что Блоку импонировали в романе и другие моменты; например, окружение героев романа техникой (дневниковые записи врача наговариваются в фонограф; умирающей от вампира героине делают переливание крови; графа Дракулу догоняют на моторном катере и т. д., и т. п.) придавало книге, в глазах поэта, «современный» вид. Наконец, Блока не могло не привлечь и то, что козням Вампира у Брема Стокера противопоставлена не столько религия (играющая вспомогательную роль), сколько человеческая воля, энергия, смелость и гуманность. Последнее противопоставление (дьявольско-«аристократического» — человеческому) наложило отпечаток и на статью «Солнце над Россией», где «упырю» также противопоставлена сила человеческого гения (образ Л. Н. Толстого).

Европы, высочайшая гордость России <...>, писатель великой чистоты и святости» — Л. Н. Толстой.²¹

Однако весьма важная антитеза: «Толстой — реакция» — еще не составляет специфики Блоковского понимания Толстого. Под этой формулой в 1908 году, в год разгула столыпинской реакции, еще могли бы подписаться и такие люди из окружения Блока, как кадет Д. Философов, «мистический анархист» Г. Чулков и даже Мережковский.

Более того: в ряде статей, авторами которых были подчас люди из ближайшего литературно-общественного окружения Блока, тема противопоставления Толстого и реакции звучит не менее, а то и более остро, чем в статье «Солнце над Россией».

Так, Д. С. Мережковский в статье «Лев Толстой», отойдя от своих прежних, чисто религиозно-этических построений, пишет о Толстом как о «пророке русского и всемирного освобождения», «лучезарном средоточии русской свободы», вместе с тем, критикуя великого писателя за теории «непротивления» и отрицательное отношение к I революции 1905 г.²² Близкие мысли высказывались и на страницах либеральной газеты «Слово».²³

Сказанное, однако, означает лишь тот бесспорный факт, что противопоставление Толстого правительству и официальной церкви могло характеризовать самых различных авторов, — практически всех, кроме настроенных официально (выполнявших распоряжение Святейшего Синода «воздержаться от участия в чествовании графа Льва Николаевича Толстого»²⁴) и черносотенно (поливавших юбиляра отборной бранью за «нигилизм», «анархизм и космополитизм» и вызванный «демоническим честолюбием и желанием властвовать» «дух отрицанья, дух сомненья»)²⁵. Важнейшая особенность блоковского взгляда на Толстого, резко выделявшая поэта из его непосредственного (в основном либерально-буржуазного) литературно-общественного окружения, состояла в том, что он ясно почувствовал и противоположность Толстого либерализму и либералам. Уже в 1907 г., в своем первом печатном упоминании имени Л. Н. Толстого (относящемся — что весьма знаменательно — к первой блоковской статье об интеллигенции и народе — ««Религиозные искания» и народ»), Блок процитировал по предисловию Ив. Наживина к книге «Что такое сектанты и чего они хотят» слова великого писателя о полном непонимании «лакеем» — русскими «образованными» людьми — исполненной глубокого смысла жизни «хозяина» —

²¹ А. Блок, Собрание сочинений, т. IX, стр. 165 и 166.

²² «Речь», 28 августа 1908, № 205, стр. 1.

²³ См.: А. Васильев, «Политика», XXIX, «Слово», 26 августа 1908, № 545, стр. 1 и др.

²⁴ См.: «Киевлянин», 26 августа 1908, № 236, стр. 1.

²⁵ Там же, 28 августа 1908, № 238, стр. 3.

народа.²⁶ Однако сам Л. Н. Толстой (и «люди «толстовского» толка») воспринимаются Блоком в его статье-докладе как искренне стремящиеся постичь тайну народной жизни. Тем самым и Толстой, и деятели типа Ив. Наживина противопоставляются основной массе русской интеллигенции, — «людям «высокой культуры», очень «образованным», считающим себя светочами прогресса, а по сути — занимающимся никому не нужными словопрениями «на религиозных собраниях и вечерах «свободной эстетики» и полностью чуждым народу. Характерно, что в одном лагере с Толстым оказывается, по Блоку, и «честный социал-демократ с шишковатым лбом», столь же враждебный «интеллигентной» и либеральничающей «лысине, елеем помазанной».²⁷

Противопоставление Толстого всей — в том числе и «левой», «либеральной» — интеллигенции остается для Блока весьма существенным и дальше. Показательно, однако, что в 1908 году Блок уже резко отделяет Толстого и от «толстовцев» — последних поэт относит теперь к тем, кто, как и «левый» Милуков, всеми силами стараются «не слышать» неизбежного приближения народной «стихии».²⁸

В статье «Солнце над Россией» пошлые либеральные фразы и жесты в «Толстовские дни» («Толстому дарят плуг и самовар. Толстому шлют телеграммы о победе света над тьмою»)²⁹ отнесены к тому, что составляет сущность страшного понятия «реакция». В упоминавшейся выше неопубликованной статье Блок также противопоставляет истинному смыслу творчества Толстого не только декадентскую аполитичность («праздную иронию») но и либеральную «наследственную болезнь призрачных «дел».³⁰ В своей ненависти к «либерализму», «кадетству» Блок заходит так далеко, что в дни ухода и смерти Толстого пишет матери о большей отвратительности, лицемерности «левых» газет даже по сравнению с... «Новым временем»: «Конечно, все известия и мнения оскорбительны, но я не знаю, чьи более — правые или левые. Пожалуй, левые: они лежат на животе и пищат».³¹ Верхом пошлости, оскорбляющей память Толстого, Блок считает

²⁶ А. Блок, Собрание сочинений, т. VIII, стр. 10—11. Сравнение «образованных» и народа с лакеем и хозяином приведено Толстым в разговоре с И. Ф. Наживиним (См.: «Что такое сектанты и чего они хотят», вып. I, «Посредник», 1906, стр. 3).

²⁷ А. Блок, Собрание сочинений, т. VIII, стр. 7.

²⁸ См. запись от 26. XII. 08 в кн.: Записные книжки Ал. Блока, стр. 102. Ср. также ироническое упоминание «толстовцев» в письме к Н. Н. С<кворцовой> в кн.: Дневник Александра Блока, 1911—1913, Л., Книгоиздательство писателей, 1928, стр. 73.

²⁹ А. Блок, Собрание сочинений, т. IX, стр. 165.

³⁰ Там же, стр. 168.

³¹ Письма Александра Блока к родным, т. II, стр. 97.

Милюкова и Родичева, едущих в автомобиле на похороны».³² Смысл этого, постоянно повторяющегося противопоставления Толстого либерализму глубоко знаменателен и связан с восприятием Блоком важнейшей (хотя и глубоко противоречивой) стороны толстовского мировоззрения — с толстовским «максимализмом». Блок остро чувствовал, что толстовское понимание тупика, в который зашла современная жизнь во всех ее проявлениях («Пропасть, к которой мы идем, уже становится видна нам, <...> люди не могут не видеть того, что <...> мы, как пауки в банке, ни к чему не можем прийти, как только к уничтожению друг друга»³³, «Одумайтесь!», 1904), — неизмеримо ярче, глубже и искренней, чем у «кадетов» и робких «либералов» из числа «религиозно-мыслящей общественности». Особенно близким Блоку было несогласие Толстого с *любыми* либеральными проектами постепенного улучшения общества и требование полной, коренной перестройки жизни. Толстой, как известно, и всей логикой своего позднего творчества, и во всех статьях к. XIX — нач. XX века неустанно выступал против мелочного либерализма, считая либеральную деятельность не только бесполезной, но и прямо вредной. «Цель агитации земства, — пишет Толстой, в статье «Об общественном движении в России» (1905), — ограничение деспотизма и установление представительства <...> Верный результат всего этого дела будет *отсрочка истинного социального улучшения*», «*остановка истинного прогресса*».³⁴ В статьях Ал. Блока 1907—8 гг. (прежде всего, в статьях о «народе» и «интеллигенции») с каждым днем всё отчетливее и острее звучали мысль о полном кризисе современного строя и болезненное и горькое чувство того, что люди из ближайшего окружения поэта не чувствуют всей глубины и трагичности назревшего кризиса. Они заняты бесполезными словопрениями, заражены «либерализмом», «кадетством», — «наследственной болезнью призрачных дел» (см. статьи «Вопросы, вопросы и вопросы», ««Религиозные искания» и народ» и мн. др.). И весьма характерно при этом, что всякий раз, когда Блок хочет подчеркнуть предельную трагичность современной жизни и предельную «глухоту» либеральной буржуазной интеллигенции, он выра-

³² Там же. Дело, конечно, не в «симпатиях» Блока к «Новому времени»: и в переписке 1909 г. с В. В. Розановым (см.: Александр Блок, Сочинения и одно томе, М.—Л., ГИХЛ, 1946, стр. 533), и в письмах к матери, и в дневнике 1911—13 гг. Блок достаточно резко выразил своё полнейшее брезгливое отрицание позиции этой «помойной ямы» (см.: Дневник Александра Блока, 1911—13, стр. 47). Речь, следовательно, может идти лишь об одном: о полемическом подчеркивании отвратительности либеральных газет путем сравнения с «Новым временем».

³³ Л. Н. Толстой, Полное собрание сочинений, т. 36, М.—Л., ГИХЛ, 1936, стр. 115.

³⁴ Л. Н. Толстой, Полное собрание сочинений, т. 36, стр. 156 (Курсив здесь и далее, кроме специально оговоренных случаев, мой. — З. М.).

жает свою мысль словами Л. Н. Толстого: «Не в блуждающей почке тут дело, а в ЖИЗНИ И смерти» («Смерть Ивана Ильича»). Дважды повторенные в записной книжке³⁵, слова эти стали для поэта символом для оценки современности. То, что блоковская критика действительности и, в частности, «глубокоуважаемой сволочи» — либералов, находится в связи с Толстым, уже отмечалось — хотя и бегло — в нашем литературоведении. В статье «История одной «дружбы-вражды»» В. Н. Орлов пишет, что политический аспект взглядов Л. Блока составляли «народнические, анархо-максималистские представления (Герцен, Бакунин, Толстой)».³⁶ Следует заметить, однако, что вряд ли оправдано безоговорочное зачисление подобных представлений к числу «неверных», к «слабым сторонам» взглядов Блока.³⁷ Блоковский «максимализм» был направлен в 1907—8 гг. исключительно (и даже более последовательно, чем толстовский) против либералов из Религиозно-философского и подобных ему обществ. Став первой формой критики «либерализма, кадетства» (Блок), именно этот «максимализм» привел Блока позже, в октябре, 1917 г., к полному разрыву с буржуазной интеллигенцией, к принятию революции и к знаменитой формуле (из статьи «Интеллигенция и революция», 1918) — «переделать всё».

Еще более противоречиво, но — в конечном итоге — тоже плодотворно характерное для Блока конца 1900-х гг. и также связанное с влиянием взглядов Л. Н. Толстого отрицание «политики». При ближайшем рассмотрении эта сторона взглядов поэта также оказывается *по сути* вовсе не проповедью аполитичности, а формой отталкивания от буржуазно-либерального политиканства. «Анархические», что определило М. Горького,³⁸ взгляды Л. Н. Толстого, его убеждение, что «дело не в том, чтобы заменять одну форму правительства другой, а в том, чтобы избавиться от всякого правительства, уничтожить его»,³⁹ понять «ненужность не *такого или иного*, а *всякого* правительства»,⁴⁰ произвели глубокое впечатление на Блока. Не случайно именно в период интенсивного перечитывания Л. Толстого (во

³⁵ См.: Записные книжки Ал. Блока, Л., «Прибой», 1930, стр. 97 и 101.

В. Н. Орлов, История одной «дружбы-вражды», в кн.: Александр Блок, Андрей Белый. Переписка. М., изд. Гослитмузея, 1940, стр. XXXV.

³⁶ Бесспорно, что из трех названных имен Блоку субъективно наиболее близки два последние (ср. статью о М. Бакунине, написанную Блоком в 1907 г.) Однако и по сравнению с Бакуниным толстовские взгляды звучали для Блока как более актуальные и близкие — не случайно имя Толстого не сходит со страниц записных книжек и писем 1907—8 гг., а имя Бакунина почти не упоминается.

³⁷ См. там же.

³⁸ См.: М. Горький. Несобранные литературно-критические статьи, М., Гослитиздат, 1941, стр. 94.

³⁹ Л. Н. Толстой, Полное собрание сочинений, т. 36, стр. 163. (Статья — «Об общественном движении в России», 1905 г.)

⁴⁰ Там же, стр. 162.

время поездки по Италии летом 1909 года) Блок заносит в записную книжку слова ненависти и презрения как к русской реакционной государственности, так и к буржуазно-«оппозиционному» политиканству: «Проснувшись среди ночи, под шум ветра и моря, под влиянием ожившей смерти Мити, от Толстого и какой-то давно вернувшейся тишины, я думаю о том, что вот уже три-четыре года я втягиваюсь незаметно для себя в атмосферу людей, совершенно чуждых для меня, политиканства, хвастливости, торопливости, гешефтмахерства.

Источник этого — русская революция, последствия могут быть и становятся уже ужасны».⁴¹ Совершенно неверно было бы увидеть здесь простое отрицание революции (действительно, возможное — с позиций «непротивления злу» — у Толстого, но совершенно не характерное для Блока этих лет).⁴² Смысл этой записи от 11—12 июня 1909 г. раскрывается в последующей — от 25 июня: «Сейчас имел мужество уйти, не дождавшись «Речи» в кургаузе. Надо и пора совсем отучаться от газет. Ясно, что теперешние люди большею частью не имеют никаких воззрений, тем более воззрений любопытных, на <...> предметы, которые меня волнуют. Газета же есть голос этих людей».⁴³ Таким образом, отрицаемая газета оказывается кадетской «Речью», «теперешние люди» — ее авторами и читателями, а «совершенно чуждая» поэту революция — революцией в её истолковании буржуазными идеологами, окружавшими поэта в 1905 г. К этому и сводятся те настроения критики «политиканства», которые возникают у Блока под влиянием (в частности) произведений Л. Толстого.

Но какое бы сильное впечатление ни производило на Блока толстовское «срывание всех и всяческих масок» (по определению В. И. Ленина), влияние на поэта философско-политических концепций Толстого им не ограничивалось. Блок 1907—8 гг. был еще бесконечно далек от понимания того, что декадентское

⁴¹ Записные книжки Ал. Блока, стр. 116.

⁴² Ср. в написанном 20.II.09, накануне отъезда в Италию, письме В. В. Розанову противопоставление государству именно революции: «Современная русская государственная машина, есть, конечно, гнусная, слюнявая, вонючая старость <...> Революция русская в её лучших представителях — юность с нимбами вокруг лица» (Александр Блок, Сочинения в одном томе, М—Л., ГИХЛ, 1946, стр. 533).

⁴³ Интересно, что когда в 1908 г. у А. Андреева (знакомого Евг. Иванова, состоявшего в переписке с Блоком) и у группы литераторов возник замысел создать газету «одиноких», инициаторы обратились с просьбой прислать материал именно и к Толстому, и к Блоку (см.: Письма Александра Блока к Е. П. Иванову, стр. 122). В письме к Евг. Иванову Блок выразил свое сочувствие делу «одиноких» в словах, очень близких к Толстому: «Человек, сознавший одиночество <...> <т. е. по Блоку, разорвавший со всевозможными буржуазными «партиями» и политиканством — 3. М.>, более открыт душою и способен воспринять, может быть, чего другой не воспримет». (Там же, стр. 68).

«неприятие мира» как такового есть, по существу, отказ от критики реакционной современности. Однако поэт уже достаточно остро почувствовал, что подобное «неприятие мира» резко ослаблено субъективизмом, «иронией», этическим релятивизмом, позволившим Л. Андрееву, наряду с настроениями «последнего отчаяния», «любить всенародного провокатора», а Ф. Сологубу — «не променять мрака своего бытия ни на какое бытие»⁴⁴ (статья «Ирония», 1908). И потому Блока сразу же начала привлекать позитивная сторона взглядов Толстого, откровенно и непрестанно звучащий нравственный пафос его творений, то, во имя чего отрицается Толстым современное ему государство.

Как известно, в основе политических (как и социальных) взглядов Толстого лежало демократическое убеждение в том, что, прекрасный и добрый от природы, человек в современном обществе «искажен» ложным, «противоестественным» социально-политическим строем. В современном (и во всяком «историческом») человеке живут два рода внутренне противоположных устремлений — «фиктивные» и «реальные». К числу первых относятся «государство, отечество»⁴⁵ (равно как и всевозможные социальные привилегии и предрассудки); ко вторым — «жизнь и истинная свобода».⁴⁶ И цель своего творчества Толстой видит именно в борьбе за «реального» человека и его подлинно важные интересы — «жизнь и свободу» — против «фикций» современного ему государственного и социального строя.

Все эти мысли оказались чрезвычайно важными и плодотворными для Блока. Разумеется, подобные представления, общие для всей передовой демократической мысли XIX в., могли доходить до Блока не только в их «толстовском варианте».⁴⁷ Но, как мы постараемся показать ниже, именно «толстовский вариант» оказался одним из основных.

⁴⁴ А. Блок, Собрание сочинений, т. VIII, стр. 35.

⁴⁵ Л. Н. Толстой, Полное собрание сочинений, т. 36, стр. 277 (статья «Конец века», 1905),

⁴⁶ Там же.

⁴⁷ Так, например, одновременно с началом повторного чтения Толстого Блок в августе 1908 г. перечитывает и другого «юбиляра» тех дней — И. С. Тургенева, в целом ряде произведений которого (например, в «Записках охотника») мы встречаем весьма близкое понимание вопроса о «природе человека». Характерно, однако, что статьи о Тургеневе Блок не написал; поэты могли оттолкнуть в Тургеневе как черты ненавистного ему «либерализма», так и то, что вся черносотенная пресса в дни юбилея поднимала на шит Тургенева, загримированного под благонамеренного обывателя и «патриота», в противовес Толстому, «нигилисту», «анархисту» и «космополиту». Мысль об огромных и прекрасных возможностях человека и об обществе, калечащем человека, находил Блок 1907–8 гг. и в творчестве Горького, неотразимо привлекавшего к себе поэта. Как известно, собственно-социалистическая сторона взглядов М. Горького осталась Блоком непонятой. Но все то лучшее в литературе XIX века, что было унаследовано великим пролетарским писателем, оказывалось Блоку чрезвычайно близким (см. статья «Народ и интеллигенция» и др.).

Когда интерес к русской демократической мысли XIX в. у Блока еще только зарождался, 20 апреля 1907 года он занес в свою записную книжку: «Реалисты исходят из думы, что мир огромен и что в нем цветет лицо человека, маленького и могу-чего». ⁴⁸ Подчеркнув как одну из основных особенностей реализма веру в «могущество» «маленького» человека, Блок противопоставляет реалистам «мистиков и символистов», которые «плюют на «проклятые вопросы» — к сожалению», которым «нипочем, что столько нищих, что земля кругла». ⁴⁹ И в эти же годы тема человека, «маленького и могучего», но «раздавленного» всем ходом русской жизни, начинает все громче звучать в поэзии Блока.

Здесь мы вплотную подходим ко второму кругу толстовских идей, чрезвычайно важных для становления Блока конца 1900-х — начала 1910-х гг., — к социальным взглядам писателей. При этом необходимо, прежде всего, сказать о двух коренных различиях в мировоззрении Толстого и Блока, связанных и с их политическими, и с их социальными взглядами. Реалистический художественный метод, демократическое представление о человеке, антропологизм — всё это естественно приводило Толстого к тому, что сквозь религиозно-нравственную оболочку его учения постоянно просвечивает стихийно-материалистическое мировосприятие. В области политических идей это значило, что за той или иной «политикой» для Толстого оказывались, в конце концов, не только «заблуждения» людей, не только «нелепость»; цивилизации, но и определенные материальные интересы. Толстой последнего периода творчества прекрасно чувствует социальные причины, сделавшие и из «барина» Нехлюдова, и из священника в суде, и из зрителя тюрьмы («Воскресенье») — охранителей существующего, с другой стороны, Толстого интересуют (хотя и решаются с позиций патриархальной утопии) вопросы социального строя, отвечающего интересам «класса земледельцев» («Сказка об Иване — дураке и его двух братьях» и др.).

Иначе решает все эти вопросы А. Блок. Он ценит Толстого именно за то, что толстовская критика действительности несравненно шире «чисто» политической, неизмеримо глубже её. Однако понять, что стоит за политикой и определяет её, Блок не может. Стихийный материализм Толстого-реалиста поэту чужд. Представление о материальной обусловленности идей никогда, даже на вершине революционности Блока — в поэме «Двенадцать», — не будет им воспринято.

Поэтому социальная тема, звучавшая в поэзии Блока после 1905 года с каждым годом всё сильнее, подвергается любопыт-

⁴⁸ Записные книжки Ал. Блока, стр. 70.

⁴⁹ Там же, стр. 70—71.

ной трансформации. С одной стороны, говоря о людях, «раздавленных» жизнью, Блок конца 1900-х — начала 1910-х гг. подчеркивает в них не материальную нужду, не бедность, а связанное с нею «униженье». Под непосредственным влиянием 1905 года Блок, обратившись к традиции «городских» стихотворений Н. А. Некрасова (а — частично — и к традиции незадолго перед этим перечтенного раннего Достоевского, т. е., в первую очередь, — «Бедных людей»)⁵⁰, создает свой известный «чердачный» цикл (вошедший в раздел «Город» II тома). В стихотворениях этого цикла перед нами встаёт образ героя, которому «не сладки холода», которого «без всяких поводов загнали на чердак» («В октябре»), «убитого земной заботой и нуждой» («Я в четырех стенах...»), которому «злое, голодное Лихо <...> стучится в виски» («Окна во двор»). Но когда после субъективизма «Снежной маски» и идейных исканий 1907—8 гг. Блок вновь возвращается к теме «маленького человека», она звучит уже несколько иначе. Тема эта обогащена теперь отсутствовавшим в «чердачном цикле» огромным зарядом ненависти к «страшному миру», верой в могущество «маленьких людей», составляющих вместе «народ — венец земного цвета» («В голодной и больной неволе..», 1909), ожиданием грядущей революции (цикл «Ямбы», поэма «Возмездие» и др.). Но, войдя органично в поэзию Блока, социальная тема утрачивает непосредственную связь с «некрасовским» показом материальной нужды как источника страданий «маленького человека». Жизнь в «страшном мире» кошмарна потому, что «пустынна, бездомна, бездонна» («С мирным счастьем покончены счёты..», 1910), «бессмысленна» («Пляски смерти», 2, 1912) «безумна, глуха» («Я коротаю жизнь мою...», 1910), потому что человек в ней унижен. Даже там, где Блок мыслит социальными категориями (что было неизбежным при всё возрастающем влиянии на Блока идущих из разных источников демократических идей), поэт подвергает их своеобразному переосмыслению:

Вновь богатый зол и рад,
Вновь унижен бедный («Пляски смерти 5», 3, 39).

Самое страшное в нарисованной здесь картине реакции — не само то, что есть «богатые» и «бедные», а то что одни «унижены», а другие — «злы и рады».

Поэтому даже те стихотворения, в которых идущая от реализма (в частности, и от Толстого) тема народных страданий звучит наиболее ярко, по существу, двойственны: они и продолжают традицию XIX века, и одновременно, переосмыслиют её. Таково, например, знаменитое стихотворение Блока «На железной дороге» (1910). Отмеченное, как известно, отчетливой печатью влияния некрасовской поэзии, оно включает в себя (даже

⁵⁰ См.: А. Блок. А. Белый. Переписка, стр. 45.

сюжетно) и «толстовское». Гибель «красивой и молодой» женщины, лежащей «под насыпью», не может не напомнить финала «Анны Карениной», перечтённой Блоком примерно за год до создания этого стихотворения,⁵¹ а также сцены на станции из романа «Воскресенье»⁵². Но стихотворение имеет и характерный «призвук», отсутствующий у Некрасова и у Толстого. Самое страшное для героини — «беспольность» её жизни, «тоска дорожная, железная». Социальная несправедливость раскрыта у Некрасова как материальная нужда и зависимость, а у Блока как психологическое состояние униженности. (Ср. ужас жизни героини в некрасовском «Что так жадно глядишь на дорогу...»: «Будет бить тебя муж-привередник и свекровь в три погибели гнуть»). Среди возможных причин её гибели — «любовь, грязь и колеса», а не дикая забитость некрасовской героини и не сложное переплетение, в основном, социальных причин, погубивших Анну Каренину и особенно Катюшу Маслову. С этим связана и еще одна характерная особенность творчества Блока периода реакции. Стремясь понять основные закономерности жизни, то, что лежит за бытом, за политикой и определяет их, но не принимая материалистического миропонимания, Блок естественно приходил к идеалистическому объяснению изображаемого. Особенно это характерно для трактовки причин, породивших «страшный мир». Если зло не исторично, то оно вечно (ср.: «Я — исконное зло», — говорит о себе граф-вампир в романе Брема Стокера). Если оно не материально в своем существе, то оно духовно. Отсюда — то огромное впечатление, которое производят на Блока мистически («Вампир граф Дракула») или фантастические, мистические истолкованные (колдун из «Страшной мести» Н. В. Гоголя) образы носителей зла. Отсюда же — своеобразная концепция статьи «Солнце над Россией»: реакция — не только в политике, а в неизмеримо большем — в торжестве «упыря» над человеком. «Реакция, — пишет Ал. Блок, — это не только неудобно, скучно, томительно. Это страшно и странно <...> Неусыпно следит за ним <Л. Н. Толстым —

⁵¹ См.: Записные книжки Ал. Блока, стр. 106.

⁵² С этой сценой в стихотворении Блока есть ряд почти дословных совпадений: Катюша, «накрывшись платком» (ср.: «в цветном платке, на косы брошенном»), бежит к поезду встречать Нехлюдова, молодого военного, а Нехлюдов сидит в вагоне первого класса, на ручке *бархатного* кресла, «*облокотившись на его спинку*» (ср.: «лишь раз гусар, рукой небрежной, *облокотясь на бархат алый*, скользнул по ней с улыбкой нежной, скользнул — и поезд вдаль умчал»). И конец этой сцены, и — главное — ее социальный смысл очень близки к стихотворению Ал. Блока. Блок сам указал на «бессознательное подражание эпизоду из «Воскресенья» Толстого: «Катюша Маслова на маленькой станции видит в окне Нехлюдова на бархатном кресле ярко освещенного купе первого класса» (А. Блок, Собр. стихотворений, кн. 3, М., Мусагет, 1912, стр. 191). См. также примечание В. Н. Орлова в Собр. соч. А. Блока, т. 3, стр. 593 и статью В. Н. Орлова: «Александр Блок и Некрасов» (Научный бюллетень ЛГУ, № 16-17, Л, 1947).

3. М. > чье-то зоркое око. Кто же это? Министр ли, который ведет русскую словесность, простой ли сыщик или урядник? Да *неужели нам всем было бы так странно и так страшно, если бы за душой и землей нашей следили только они?* И разве видно им сокровенное земли и души нашей? Нет, не они смотрят за Толстым, их глазами глядит мертвое и зоркое око, подземный, могильный глаз упыря». ⁵³ Такое понимание природы зла в современном обществе, впоследствии преодоленное, в рассматриваемый период было присуще и блоковской лирике; особенно ошутимо оно в цикле «Страшный мир», основной костяк которого создан в конце 1900-х — начале 1910-х гг. Современная действительность, которую поэт отрицает презрением, «созревающим гневом» («Ямбы»), — это, вместе с тем, — «безумный и дьявольский бал» («В эти желтые дни меж домами..», 1909). Реакция — хозяин «страшного мира» — предстает в облике мертвецов, скелетов («Пляски смерти»), призраков («Осенний вечер был...», 1912). Недаром земному жителю, попавшему в Ад, он кажется «знакомым» («Песнь Ада», 1909).

Для Л. Н. Толстого представление о том, что современная действительность — торжество дьявольского начала над божеским («Первый винокур», «Власть тьмы» и др.), — по сути, метафора. «Дьявольское» здесь — злое, эгоистическое, принесенное буржуазной цивилизацией, а «божеское» — доброе, «роевое» начало, связанное с патриархальными формами жизни. Никакого иного смысла образы Сатаны, чертей, картины преисподней и т. п. в народных сказках и пьесах Толстого не имеют. Они фантастичны (т. е. художественно условны), а не мистичны. Более того: всякая мистика, попытка представить духовное начало материально воплощенным, для Толстого решительно неприемлемы и беспощадно высмеиваются («Плоды просвещения»). Именно поэтому образы чертей, дьявола и т. д. придают произведениям Толстого неизменно комическую окраску, подчеркивая нелепость («неестественность») зла, а потому — лёгкость (стоит лишь человеку понять и захотеть!) борьбы с ним. У Блока же близкие по смыслу образы окрашивают повествование в тона трагические, подчеркивая «непроглядный ужас жизни» «униженного» человека в эпоху «упыря» — реакции. ⁵⁴ Отсюда — характерное пере-

⁵³ А. Блок, Собрание сочинений, т. IX, стр. 165.

⁵⁴ Иначе обстоит дело в поэзии Блока конца 1900-х — начала 1910-х гг., с изображением светлых сил, противостоящих «страшному миру». Здесь поэт намечает два, по сути противоположных, решения. Высокий, светлый идеал мог изображаться, в традициях лирики I тома, как «Она», «Светлая жена» (цикл «Родина») и т. п. и осмысляться, как «Душа Мира» (См. Записные книжки Ал. Блока, стр. 127), как «солнце над Россией», надмирное духовное начало. Однако, в результате воздействия на Блока традиций демократического реалистического искусства XIX века, в его лирике — уже в конце 1900-х гг. и с каждым циклом всё заметней — начинает появляться противопоставление «подземным» силам не «надземных», мистически бесплотных.

осмысление «толстовской» (т. е., в данном случае, вообще реалистической) традиции в таком, например, ярком стихотворении, как «Унижение» (1911). Здесь нельзя не заметить такого характерного для позднего творчества Толстого приема, как «двуплановость» изображения, — постоянное соотнесение рисуемой жизни с «природной» нормой и подчеркивание «неестественности», «ненормальности» существующих порядков (Ср.: «Началась для Масловой <...> жизнь *хронического преступления заповедей божеских и человеческих*»; врачи и чиновники, осматривающие проститутку, уничтожали *«данный от природы <...> не только людям, но и животным стыд»* и т. д., и т. п.). «Двуплановость» подчеркивается у Блока системой ремарок и курсивов: «Разве так суждено меж людьми?», «Разве это мы звали любовью?» (3, 31). Но, как и в стихотворении «На железной дороге», здесь есть и такой поворот темы, который не укладывается в рамки ни толстовских, ни, вообще, реалистических традиций. Для реализма XIX в. «неестественный» порядок значит лишь одно — недостойный прекрасного по природе человека, а потому — подлежащий изменению в соответствии с потребностями этой «природы». Для Блока же «нечеловечье» — не только «недостойное человека», но и «неземное» — «подземное», «дьявольское». Только такой смысл может иметь фраза: «Этих голых рисунков журнала не *людская* касалась рука». Ужас изображаемого мира для Блока — свидетельство его не человеческой (между людьми не так «суждено») природы. Сомнению подвергается сама реальность такого мира («Разве дом этот — дом в самом деле?» и т. д.).

Итак, в области общефилософского осмысления природы существующего политического (а, как увидим ниже, и социального) строя Блок никогда не смог подняться до стихийного материализма Л. Н. Толстого. Иначе, однако, обстояло дело там,

а земных, человеческих. Земное, человеческое при этом осмысляется как высокое и прекрасное, как художественный идеал поэта. Правда, и здесь прекрасными и «высокими» оказываются лишь духовные ценности: любовь к Родине («Песня Судьбы», цикл «Родина»), искусство («Итальянские стихи»), яркая, земная страсть («Кармен»), революционный «гнев» («Ямбы»). Именно таков и смысл, противопоставления «упырю» Победоносцеву *силы человеческого гения* в статье «Солнце над Россией». Вопрос о материальной, социальной обусловленности этих качеств человека не встает перед Блоком вообще. Вероятно, наиболее близким для поэта явилось бы объяснение всего высокого в человеке, как его «природной» сущности, его духовной (хотя и полностью реализованной на земле!) первоосновы. Более того: нередко *материальное как «дьявольское» противопоставляется духовному как человеческому* (ср. мертвеца, едущего на бал в «скрежещущем таксомоторе», делающего «карьеру» и т. п. — «Пляски смерти»). Однако в этом случае — результат победы демократических влияний над символистско-мистическими традициями I тома! — представление о духовном, не будучи реалистическим, вместе с тем полностью лишено какой бы то ни было мистической окраски. Высшее проявление идеалов Красоты, Добра и Истины мыслится поэтом как их проявление на земле, в человеке.

где речь заходила о способах борьбы с существующим злом. Столь далекий от либеральной мелочной критики, столь революционный в своих послылках, Толстой в своих выводах — в отрицании революции во имя религиозно-нравственного совершенствования личности — сам, в конце концов, объективно приходил к либерализму. Блок же в своей ненависти к «страшному миру» уже в конце 1900-х — начале 1910-х гг. дошел до идеи революционного «возмездия» (цикл «Ямбы», поэма «Возмездие», ряд стихотворений в других циклах III тома). Характерно, что уже в 1907 году, сочувственно процитировав материалы из книги, составленной «толстовцем» И. Ф. Наживным, Блок одновременно подверг все содержание брошюры «Что такое сектанты и чего они хотят» решительному переосмыслению. Для «толстовцев» (а — в этом плане — и для самого Л. Н. Толстого) жизнь сектантов интересна, прежде всего, тем, что их сопротивление государству (отказ служить в армии и т. п.) и церкви было сопротивлением пассивным, без активной борьбы с «антихристом». Именно в этой пассивности, в «отказе от повиненья» (без борьбы!) и Толстой, и последователи его религиозно-нравственной доктрины видели силу народа. Так, в очерке В. Кокосова «Не наш (из воспоминаний врача о Карийской каторге)» в Егоре Рожкове подчеркивается не только столь близкое Толстому «неприятие» государства («Казна <...> сама по себе, я сам по себе») ⁵⁵, отрицание денег («Им надо золото, мне не надо») ⁵⁶ и анархический идеал свободной, ничем не стесняемой личности («Всякий сам по себе живи!»). ⁵⁷ Наиболее близко автору другое: то, что к достижению своих целей Егор Рожков идет не революционным путем, а путем пассивного сопротивления и «невероятного терпения» ⁵⁸. А «толстовец» П. Бирюков в очерке «Малеванцы (история одной русской секты)» прямо говорит о том, что «борьба бывает двух родов: борьба разрушающая, уничтожающая, отрицательная, борьба смерти, насилия, лжи и тьмы, и бывает другая борьба — «борьба творящая, положительная, восстанавливающая, борьба жизни, правды и света» ⁵⁹. И поскольку последней оказывается «пассивное сопротивление церкви и государству», ⁶⁰ то борьба первого рода, «отрицательная», — это, бесспорно, борьба революционная. Блок подошел к опубликованным в брошюре материалам совершенно иначе. Его потрясли приведенные в книге свидетельства «невероятной выносливости, железной, непреклонной, гигантской воли» ⁶¹

⁵⁵ «Что такое сектанты и чего они хотят», вып. I, М., изд. «Посредник», 1906, стр. 11.

⁵⁶ Там же, стр. 26.

⁵⁷ Там же, стр. 25.

⁵⁸ Там же, стр. 10.

⁵⁹ Там же, стр. 41.

⁶⁰ Там же, стр. 43.

⁶¹ Там же, стр. 17.

народа. Эта сила, утверждает Блок, когда-нибудь вырвется на волю — и отнюдь не в формах долготерпения. Недаром Блок характеризует эти силы многозначительным символом — «огонь» (статья «Стихия и культура», 1908) и говорит о «народной местности, стихийной и земной» (VIII, 31).

Указанные коренные отличия художественного мировосприятия Л. Н. Толстого и Блока 1907—8 гг. определяют и «схождения», и «расхождения» социальных концепций писателей.

Блок уже в 1907 г. интересуется не только Толстым как антиподом реакции и «либерализма», но и Толстым как выразителем интересов народа. В записных книжках и письмах 1907—8 гг. Толстой постоянно упоминается в числе тех людей, которые всего «ближе к народу».⁶² В статье «Солнце над Россией» Толстой также берется в своей народной («крестьянской») сущности: «Толстой <...> идет по борозде за плугом, за своей белой лощадкой».⁶³ Имя Л. Н. Толстого поэту упоминается Блоком в одном контексте с именами Д. И. Менделеева⁶⁴, Н. А. Добролюбова,⁶⁵ «крестьянского поэта» Н. Клюева⁶⁶, И. С. Тургенева⁶⁷, М. Е. Салтыкова-Щедрина, В. Г. Белинского, Г. И. Успенского⁶⁸, т. е. людей, связанных с народом биографически (Клюев), особенностями своего жизненного, психологического склада (Менделеев) и мировоззрением (Добролюбов, Тургенев, Щедрин, Белинский, Успенский). Характерно также, что в период своих размышлений о роли народа в русской истории Блок чаще всего упоминает «Воскресенье» — роман, где с предельной отчетливостью проявляется связь близкого поэту «срывания всех и всяческих масок» с крестьянско-патриархальными идеалами Толстого. Именно «Воскресенье» названо «завещанием уходящего столетия новому».⁶⁹ В письме же к В. В. Розанову Блок прямо связывает Толстого с «русской литературой от Пушкина и Гоголя», с «измученными русскими общественными деятелями XIX века», с одной стороны, и с «огромной <...> концепцией живой, могучей и юной России»,⁷⁰ — с другой.

Вместе с тем, упоминание имени Л. Толстого в 1907—8 гг. постоянно находится в связи с блоковской критикой различных антинародных («интеллигентских», по Блоку, т. е., по существу,

⁶² В статье «Вопросы, вопросы и вопросы» (1908) Толстой упомянут как дворянин, однако, здесь речь идет, конечно, о личности, а не о творчестве писателя.

⁶³ А. Блок, Собрание сочинений, т. IX, стр. 167.

⁶⁴ Записные книжки Ал. Блока, стр. 89. Запись от 18. IX. 08.

⁶⁵ Там же, стр. 90. Запись от 28. IX. 08: См. также; там же, стр. 87 (Запись сделана в сентябре-октябре 1908 г.).

⁶⁶ Там же. См. также: там же, стр. 89. (Запись сделана в сентябре 1908 г.).

⁶⁷ Там же, стр. 89.

⁶⁸ Там же, стр. 87.

⁶⁹ Там же.

⁷⁰ А. Блок, Сочинения в одном томе, М.—Л., ГИХЛ, 1946, стр. 533—534.

буржуазных) философских, религиозно-этических и т. п. построений. Так, в записи от 18. IX. 08 после упоминания имен Менделеева и Толстого следует: «Не могу принять: ни двух бездн — бога и дьявола, двух путей добра — «две нити вместе свиты» (мистика, схоластика, диалектика, метафизика, богословие, философия), ни теории познания (Белый), ни иронии (интеллигентский мистический анархизм), ни «всех гаваней» (декадентство)»⁷¹ «Утверждение» Толстого, таким образом, равносильно для Блока отрицанию и мистико-схоластических построений Д. С. Мережковского («учение» о «двух безднах» в книге «Толстой и Достоевский») и З. Н. Гиппиус («Две нити вместе свиты» — начало её стихотворения «Электричество»), и неокантианской теории познания А. Белого, и «мистического анархизма» Г. Чулкова и Вяч. Иванова, и декадентского этического релятивизма В. Брюсова и др., — т. е. всем основным направлениям философских поисков русских символистов после 1905 года. В других записях А. Блок связывает имя Толстого с неизбежной для сознания народа ненавистью к «интеллигенции», причем в одном ряду с Толстым оказывается и А. М. Горький: «Между «интеллигенцией» и «народом», — пишет он матери 5 ноября 1908 года, — есть «недоступная черта» <... > Чем ближе человек к народу (Менделеев, Горький, Толстой), тем яростней он ненавидит интеллигенцию».⁷² Родственна приведенной и заметка, в записной книжке от 22 декабря 1908 г., где Блок подводит весьма для него не утешительные итоги обсуждения статей о «народе» и «интеллигенции» в Религиозно-философском и Литературном обществе. Убедившись во время этих дискуссий в полном непонимании «интеллигенцией» (т. е. буржуазной интеллигенцией) интересов народа, Блок пишет, что тема, поднятая им, «слишком вечна, слишком громадна, слишком не нова», чтобы ее мог решить один человек. Однако «ясно одно: пропасть <... > между интеллигенцией и народом — есть».⁷³ И как выражение этой пропасти вновь берутся слова из «Смерти Ивана Ильича»,⁷⁴ а сам Толстой (и Гл. Успенский) рассматриваются Блоком как выразители интересов народа и обличители «интеллигенции».⁷⁵ Приведенные выдержки говорят не только о блоковском понимании Толстого как выразителя народных (иногда еще конкретнее — крестьянских) настроений. Они показывают одновременно, в чем состояло влияние на Блока социальных концепций Толстого. В сфере социальных представлений столь близкий Блоку «максимализм» Толстого оборачивался мыслью об остроте и непримиримости противоречий современного обще-

⁷¹ Записные книжки Ал. Блока, стр. 89.

⁷² Письма Александра Блока к родным, т. I, стр. 228.

⁷³ Записные книжки Ал. Блока, стр. 100.

⁷⁴ Там же, стр. 101.

⁷⁵ Там же, стр. 100.

ства. Это особенно ощутимо в цикле статей 1907—8 гг. о «народе» и «интеллигенции». Блоковские статьи весьма сложны и противоречивы. Многие в них заимствованы из терминологии, не употреблявшейся в произведениях писателей-демократов, а навеянной теоретическими дискуссиями в среде либеральной и откровенно-реакционной буржуазной интеллигенции 1907—8 гг. Уже сам характер терминов «народ» и «интеллигенция» показывает, что основой для сравнения здесь служит культурный уровень и психологический склад людей, а не их социальное «бытие». А под формулировкой о «недоступной черте» между «интеллигенцией» и «народом» могли бы подписаться и «либеральные ренегаты» (В. И. Ленин) из сборника «Вехи», и близкий к черносотенным настроениям В. В. Розанов. Ведь травля — под видом «интеллигенции» — участников революционных движений России во имя, якобы, «народа», понимавшегося как косная, религиозная масса, — была чуть ли не центральным «тезисом» всей реакционно-охранительной прессы, от «Нового времени» до «Киевлянина» и «Земщины». ⁷⁶ Не случайно буржуазно-либеральным деятелям из числа членов Религиозно-философского и Литературного обществ концепции Блока показались «правыми», «кошунственно реакционными». ⁷⁷ Между тем, по своему объективному смыслу, по содержанию употреблявшихся терминов концепции Блока не только не были реакционными, но и представляли собой огромный шаг влево от туманного кадетского либерализма. Понятия «народа» и «интеллигенции», при всей их — отчетливо осознаваемой Блоком — диффузности, оказываются наполненными совершенно новым, стихийно демократическим и революционным содержанием: ведь, по Блоку, исполнен огромных революционных потенций именно народ, а безнадежно консервативна — буржуазная «религиозно мыслящая общественность». Разговор же о «недоступной черте» оказывается критикой не революционной, а либеральной интеллигенции ⁷⁸ и предчувствием неизбежно грядущих революционных бурь, противопоставленным либеральному сглаживанию классовых противоречий современного общества. ⁷⁹

⁷⁶ Ср. мысли о «духовной оторванности нашей интеллигенции от народа» и одновременным представлением о том, что «народное мировоззрение и духовный уклад определяются христианской верой», этика — «христианским подвижничеством», традициями смирения и покорности (С. Н. Булгаков, Героизм и подвижничество, сб. «Вехи», М., 1909, стр. 60 и 62). Там же (стр. 25) недвусмысленно указывается, что «революция есть духовное детище интеллигенции».

⁷⁷ См.: «Речь», 14 декабря 1908 г., стр. 3.

⁷⁸ Не случайно одновременно с резкой критикой современной «интеллигенции» у Блока все чаще появляется сочувственное упоминание революционных демократов XIX в.: Белинского, Добролюбова, Салтыкова-Щедрина.

⁷⁹ Ср. полемизирующую с Блоком статью Г. Чулкова «Memento mori» («Речь», 22 декабря 1908 г.) с её «успокаивающим» пафосом, с её мыслью о том, что перед лицом самодержавия сплочены все классы современного

Новое, демократическое содержание блоковских концепций пришло в противоречие не только с терминами, но и с сущностью многих еще не преодоленных в 1907—8 гг. тенденций, шедших от мистицизма I тома и «декадентства» II-го. Вместе с тем, это новое содержание оказывалось в тесной связи с толстовскими социальными концепциями.

В предисловии к сборнику своих статей о России и интеллигенции (1918 г.) Блок предупреждал читателя, что категории, которыми он оперирует, — не политические и не социальные; «Россия здесь — не государство, <...>, не отечество», интеллигенция — «не класс, не политическая сила» (VIII, 3). В действительности, блоковские представления оказываются в бесспорной связи с определенным социальным содержанием. Так, «народ» — это недифференцированное (в духе всей прогрессивной, но не марксистской мысли XX в.) понятие, включающее в себя, в первую очередь, крестьянство, но и «рабочего, и сектанта, и босяка» («Народ и интеллигенция», 1908) — т. е. всех угнетенных (по Блоку — «униженных») современного общества. В понятие же «интеллигенция» Блок последовательно включает идеологов современной буржуазии, субъективно противопоставляющих себя реакции, «либеральных», и, вместе с тем, — глубоко враждебных народу. Такое разделение довольно близко к толстовскому представлению о трудовом народе (в первую очередь — «классе земледельцев») и «образованных классах» как полюсах современного общества. Особенно важно то, что говоря о враждебности «интеллигенции» и «народа», Блок уже в 1907 г., в первой статье цикла, противопоставляет не только два идейно-психологических склада, но и два образа жизни. На одном полюсе — бесконечная «болтовня», «образованных и обозленных интеллигентов <...>, их супруг и своячениц в приличных кофточках, многодумных философов и лоснящихся от самодовольства попов», на другом — «на улице ветер, проститутки мерзнут, люди голодают <...> жить трудно, холодно, мерзко» («Религиозные искания и народ», VIII, 6 и 7). При всей отмеченной специфике блоковского понимания социального — в приведенном отрывке отчетливо звучит мысль о социальной основе человеческого характера, о социальных причинах всех коллизий современности. А эту мысль Блок усваивал из всей реалистической литературы XIX в., в частности — из творчества Толстого.⁸⁰

общества, что «русская <читай: «либеральная» — 3. М. > интеллигенция органически связана с народом», что «все мы — сама Россия».

⁸⁰ Ср., например, образ «либерального» обер-прокурора Селенина, ведущего столь же «ложную» жизнь, как и реакционно настроенные люди его круга («Воскресенье»), «прогрессивного» Смоковникова-отца («Фальшивый купон») и др. Всюду здесь мы находим четко проведенную мысль о том, что «либеральная» интеллигенция и по образу жизни, и по существу своих взглядов — защитница интересов «образованных» классов.

Еще ближе к Толстому то обострённое чувство катастрофичности современной общественной жизни, приближения «развязки», которое пронизывает блоковские статьи 1907—8 гг. Трудно найти в литературе *второй половины* 1900-х гг. что-либо более близкое к толстовскому убеждению, что «теперь, именно теперь» современная жизнь «находится близко к той черте, которая разделяет кончающийся век от начинающегося нового»,⁸¹ чем пророческие слова Ал. Блока: «Сон кончается; тишина сменяется отдаленным и возрастающим гулом» («Народ и интеллигенция», VIII, 21); «в сердце нашем уже отклонилась стрелка сейсмографа» («Стихия и культура», 1908; VIII, 31). Существенно, что слова Л. Н. Толстого сказаны в дни подъема (а блоковские еще позже — в дни спада) революции, когда у буржуазных теоретиков (вплоть до наиболее отвлеченных из них — «младших символистов» с их мистическими «эсхатологическими чаяниями») уже полностью угасли надежды на начало «новой эры». В этом сказалась либерально-буржуазная природа мировоззрения тех, кто ждал «невиданных перемен» *до* начала широких народных движений и испугался их в 1905 г. Демократический же характер взглядов Толстого позволил ему, несмотря на полное отрицание революционных путей, ожидать нового именно *в дни возрастающей активности народных масс*. Такой же характер имеют и блоковские «предчувствия» — ожидание народной «мести», исторически оправдываемой поэтом.

Не менее важно и то, что Блок, как и Толстой, считает двигающиеся народные движения антибуржуазными по своему характеру: гул будущей революции «не похож на смешанный городской гул» («Народ и интеллигенция»); тогда «пойдет *вся земля*», «распалится» месь «стихийная и земная» («Стихия и культура» VIII, 28 и 31). Но наиболее близко подходит Блок 1907—8 гг. к Толстому там, где речь заходит об отношении понятий «народ» и «интеллигенция» к сущности исторического процесса. В цитированном выше письме к матери от 5 ноября 1908 года Блок, характеризуя различие этих понятий, роняет многозначительную фразу: «Это та же пропасть, что между культурой и природой, что ли».⁸² Мысль эта оказывается не случайной: она определяет концепцию статьи «Стихия и культура» (1908). Народ здесь сближен с понятием «земля» не только в широком философском смысле (земля как здешний, «посюсторонний» мир), но и в смысле социальном и демократически-антропологическом (земля как то, что исконно «дано» человеку От природы, с чем связан его «естественный» образ жизни). Для людей из народа «земля <... > чудесная бль», их занятие —

⁸¹ Л. Н. Толстой, Полное собрание сочинений, т. 36, стр. 232. Статья «Конец века» (1905).

⁸² Письма Александра Блока к родным, т. I, стр. 228.

«земной промысел», их идеи — «легенды, не отделяющиеся от земли». «Земля с ними и они с землей» (VIII, 28), — неустанно повторяет Блок.

Антоним понятия «земля» — «промышленность и культура». Сущность «культуры», исторического прогресса — в том, чтобы *оторваться от земли*, покорить её себе: «Человеческая культура, — пишет Блок, — <...> все более походит на гигантскую лабораторию, в которой готовится *месть стихии*: растет наука, чтобы поработить землю; растет искусство, крылатая мечта), таинственный аэроплан, чтобы улететь с земли; растет промышленность, чтобы люди не могли расстаться с землей».⁸³ «Всякий деятель культуры — демон, проклинаящий землю, измышляющий крылья, чтобы улететь от нее» (VIII, 27).

Итак, существует некий «исконный» порядок жизни, связанный с «земным промыслом», с крестьянством, и разрушаемый историей, «прогрессом» (по существу — буржуазным прогрессом), развитием промышленности и культуры, деятельностью «интеллигенции». Источником подобных представлений являются в той или иной степени и вся демократическая (допролетарская) русская мысль XIX в., и поздненароднические идеи в их самых различных вариантах. Однако в 1900-е гг. эти взгляды нашли наиболее яркое выражение именно в творчестве Л. Н. Толстого — в его пристально изучаемых Блоком статьях, в столь высоко ценимом поэтом романе «Воскресенье». Именно в позднем творчестве Толстого постоянно повторяется мысль о «естественности» патриархально-земледельческого строя и «ложности», жестокости, безнравственности «цивилизации», современного общества высокой техники, промышленности. Издавна, издревле «большинство земледельческих народов естественно складывается, как пчелы в ульи, в определенные общественные отношения, вполне удовлетворяющие требованиям совместной жизни людей».⁸⁴ Этому «естественному» и потому справедливому, «нормальному» для всех людей укладу противостоит «неестественная, выдуманная деятельность» «людей городских сословий».⁸⁵ Как известно, все стороны «неестественной» городской жизни: государственную, экономическую, этическую и т. д., — Толстой считает в равной степени «ненормальными», подлежащими изменению.

«Антиурбанистические» (стихийно-антибуржуазные) настроения появляются у Блока уже до рассматриваемого периода, около 1905 г. Так, в письме к Евг. Иванову от 25 июня 1905 г. читаем: «Петербург <...> это поганое гнилое ядро, где наша удаль мается и чахнет <...> живем ежедневно — в ужасе,

⁸³ Ср. летательный аппарат на Всемирной промышленной выставке в «Песне судьбы» (1908; 4, 124).

⁸⁴ Л. Н. Толстой, Полное собрание сочинений, т. 36, стр. 261.

⁸⁵ Там же.

смраде и отчаянии, в фабричном дыму, в треске блудных улыбок, в румянце отвратительных автомобилей»... Городу противопоставлены «окраины», близость к природе: «Отдых краток там только, где мачты скрипят, барки покачиваются, на окраине, на островах, совсем у ног залива».⁸⁶ Однако эти мысли, возникшие под влиянием революционных настроений 1905 года и отразившиеся в ряде стихотворений цикла «Город», преломлялись еще в духе скорее Достоевского⁸⁷ (или А. М. Ремизова), чем Толстого. Значительно ближе к кругу «толстовских» настроений отдельные картины цикла «Вольные мысли» (1907): противопоставление мещанского быта и прекрасной природы в стихотворении «Над озером», пошлых «модниц и франтов» и полных достоинства матросов («В Северном море», 2, 303). Однако о реальном сближении блоковских взглядов с толстовскими можно говорить лишь там, где понятие «природы» связывается с определенным «нормальным» образом жизни, а понятие «цивилизации» — с разрушением этого исконного порядка. Отзвуки подобных рассуждений, повлиявших, как мы видели, на статьи 1907—8 гг., слышны и в драме «Песня Судьбы» (1908). Герман, покинувший свой уединенный белый дом на горе, приходит к людям — в современный буржуазный город. Там перед ним предстают страшные картины городской жизни: «кровоточивый нищий, который протянул за подаяньем уродливый обрубок вместо рук» (4, 121), мальчик, попавший под колесо, безносая женщина и др. Все эти страшные картины неразрывно связаны с высокой техникой, с «великим пиром Культуры» (4, 129). Эта культура, иронически именуемая «царством прогресса и человеческого гения» (4, 125), бесчеловечна. В конце демонстрации нового летательного аппарата раздается символически-многозначительный крик: «Машина раздавила человека!» (4, 126). Этим Блок опять подчеркивает, что так называемое «торжество человеческого прогресса» — это путь, «на коем человечество *преодолеет все преграды, поставленные ему природой*» (4, 123), путь *борьбы с природой*. Цивилизация уничтожает и в человеке всё «природное», т. е. человеческое, прекрасное:

Здесь песней золотою покупают
Достоинство и разум, честь и долг

Машиной заменен пытливый дух
(4, 129).

Миру бесчеловечной цивилизации противопоставлена Фаина — Россия. Народное, точнее — крестьянское — в Фаине подчеркнуто хотя и отнюдь не реалистическими средствами, но совер-

⁸⁶ Письма Александра Блока к Евг. Иванову, стр. 38.

⁸⁷ См. там же, стр. 40, 42, восторженные отзывы о романе «Подросток», где антибуржуазные настроения выражены весьма отчетливо.

шенно отчетливо. Оно — в её происхождении (деревенском, раскольничьем), в её речах, построенных на интонациях фольклора, в её песнях и сказках старухи-няни.

И всё же даже в 1907—8 гг. отношение Блока к технике, культуре, современному городу — ко всему, что представляет собой результат исторического развития, — отличается от толстовского. Конечно, и сам Л. Н. Толстой в начале XX века был весьма далек от наивного «руссоистского» отрицания пользы науки, техники, промышленности и т. д. Он совершенно ясно понимает, что «очень полезны взрывчатые газы для прокладки путей, но губительны в бомбах. Полезно железо для плугов, но губительно в ядрах, тюремных запорах» и что «вопрос о том, полезна или вредна цивилизация, решается тем, что преобладает в данном обществе — добро или зло».⁸⁸ И всё же в конечном счете Толстой приходит к тому, что сам пытается отрицать, — к мысли о необходимости, чтобы не погубить человечество, «отказаться от части или хоть от всех благ, которые выработала <...> цивилизация»⁸⁹, и вернуться к «естественной» патриархальной жизни.

Иначе подходил к вопросу Блок. Даже наиболее «антиурбанистические» произведения художника — «Песня судьбы» и цикл «Итальянские стихи» (1909) — не связаны с полным отрицанием города. Ведь не случайно же Фаина «в ту ночь, когда горели деды», (4, 144) ушла из деревни в город. Здесь, на площадях современного города, Герман слышит ветер — дуновение самой Истории. И хотя потом и Фаина, и Герман покидают город, уходят в бескрайние поля России, но где произойдет последняя, настоящая встреча с Родиной — неясно. Во всяком случае, *путь от эгоистического уединения к Родине проходит именно через город*. В «Итальянских стихах» это сложное отношение к результатам исторического процесса, к городу (идушее в какой-то мере еще от цикла «Город»), ярко проявляется в контрастных строках двух стихотворений о Флоренции: «Умри, Флоренция, Иуда» — «Флоренция, ты ирис нежный». И хотя первое относится к буржуазному городу, а второе — к городу искусства, — оба определения относятся к миру, созданному не только природой, но и человеком.

Вопрос о том, нужно ли для великой Родины развитие техники, промышленности, оставался для Блока открытым даже в период наибольшего увлечения толстовскими социальными концепциями. Так, 25 сентября 1908 г., в дни постоянных раздумий о Толстом, Блок записывает: «Менделеев и Толстой. Острейшее сомнение (противоречие)».^{89а} Смысл этой записи (где, в от-

⁸⁸ Л. Н. Толстой, Полное собрание сочинений, т. 36, стр. 266.

⁸⁹ Там же, стр. 267.

^{89а} Записные книжки Ал. Блока, стр. 89.

личие от других, Менделеев и Толстой не сближены как выразители народного начала и ненавистники «интеллигенции», а противопоставлены) частично раскрывается в статье «Народ и интеллигенция». Трагедия современной жизни, пишет Блок, «за последнее время выразилась всего резче в непримиримости двух начал — «Менделеевского» и «Толстовского», эта противоположность даже гораздо острее и тревожнее, чем противоположность между Толстым и Достоевским, указанная Мережковским» (VIII, 18). Это высказывание интересно, прежде всего, тем, что представляет собой первую попытку прямой, и вместе с тем позитивной, критики концепций Мережковского. Религиозно-этический подход к творчеству Толстого заменен попыткой проанализировать исторические и социальные воззрения писателя. Мережковский противопоставляет «тайновидца плоти» Толстого и «тайновидца духа» Достоевского — Блок противопоставляет Менделеева как энтузиаста развития отечественной промышленности Толстому как выразителю идеалов патриархальной жизни. Но решить, чьи взгляды выражают подлинные интересы народа, Блок не может: для него народны и Менделеев, и Толстой. Отсюда и «острейшее сомнение (противоречие)».

В дальнейшем Блок уходит всё дальше от идеалов патриархальной жизни (хотя и не идет по «Менделеевскому» пути). Даже техника, проклинаемая поэтом за служение, бесчеловечному «страшному миру» («Звонки и хрипы автомобилей — ведь это же всё от отчаянья — на зло. Такими сотворил их Горд. Скоро он задушит нас всех»),⁹⁰ — вместе с тем, нередко входит в мир его поэтических идеалов. Так, в стихотворении «Комета» (1910) мир «безумствующей мечты» поэта включает в себя и «стальной и ровный» голос поездов, и льющийся в космос свет современных городов, и «полет <...> стальных стрекоз». Близко по смыслу и стихотворение «Ты помнишь? В нашей бухте сонной... » (3, 136) и мн. другие. Наиболее полное поэтическое выражение эти чувства получили, как известно, в стихотворении «Новая Америка» (1913), где будущее России прямо связано с развитием промышленности, с «голосом каменных песен» (3, 269). Сказанное вовсе не означает, что Блок 1910-х гг. приходит (хотя бы только в названных стихотворениях!) к апологии буржуазных путей развития России. Отсталая Русь, по его мнению, должна стать не «второй», а «новой» Америкой. Буржуазный строй никогда не был приемлемым для Блока. «Я (мы) не с теми, — писал поэт, — кто за старую Россию <...> не с теми, кто за европеизм <...>, но — за новую Россию <...> или её не будет, или она пойдет совсем другим путем, чем Европа».⁹¹ Речь в стихотворении «Новая Америка»

⁹⁰ Записные книжки Ал. Блока, стр. 109.

⁹¹ Там же, стр. 127.

идет, следовательно, о другом: путь к расцвету Родины лежит через развитие техники, промышленности и — шире — через усвоение (а не через «толстовское» отрицание) опыта истории.

Поэтому для Блока 1910-х гг. «естественное» и достигнутое историей часто вообще не противопоставляется. «Страшному миру» противостоят и такие чувства (объявлявшиеся демократической литературой «исконными»), как любовь, единение с природой, ощущение единства с Родиной, революционный гнев и т. п., и такой сложнейший результат истории, как искусство («Итальянские стихи»). Взгляды автора трактата «Что такое искусство?» оказываются Блоку чуждыми.

В итоге Блок 1910-х гг. колеблется между отрицанием «теорий прогресса» — и верой в поступательное движение истории (Предисловие к поэме «Возмездие», 1919). Отсюда же — стремление разделить достижения истории на внешние, ложные — «цивилизацию» — и подлинно человеческие — «культуру» («Крушение гуманизма», 1919, и др.). Эти сложные мысли Блока не сведены воедино, противоречивы. Это естественно: подлинный историзм в те годы мог быть достигнут лишь с позиций столь далекого Блоку исторического материализма. Тем не менее очевидно, что влияния утопически-патриархальных идеалов Толстого, привлечших Блока в 1907—8 гг. силой отрицания буржуазного строя, в дальнейшем преодолеваются. Конечно, социальные представления Блока всегда будут неизмеримо аморфнее толстовских. Но если положительная программа Толстого принимает лишь движение назад, к патриархальным общественным отношениям, то Блок 1910-х гг. связывает свои надежды с поступательным движением истории.

Пока речь шла о воздействии на Блока политико-социальных концепций Толстого, постоянно подразумевалось позднее творчество великого писателя, в первую очередь статьи 1900-х гг. и столь высоко оцененное Блоком «Воскресенье». Иначе обстояло дело с влиянием на Блока философских взглядов Толстого. Стихийный материализм позднего Толстого был мало созвучен блоковским настроениям 1907—8 гг. Неизмеримо ближе для Блока оказались объективно-идеалистические представления о ходе истории, высказанные автором «Войны и мира». Речь идет, в первую очередь, о понимании исторического процесса как стихийного, т. е. объективного, не зависящего от воли отдельной личности. История для Толстого «Война и мира» — «бессознательная, общая, роевая жизнь человечества», в которой «действия Наполеона и Александра <...> так же мало произвольны, как и действие каждого солдата». Носителем так понимаемого «духа истории» оказывается народ, «деятельность всех людей». Вместе с тем, отказываясь от субъективистских, романтических представлений о роли личности и не принимая никаких иных, Толстой приходит к выводу о принципиальной непо-

знаваемости причин движения народов: то или иное историческое «событие должно было совершиться только потому, что оно должно было совершиться».⁹²

«Войну и мир» Блок вновь перечитывает в 1909 г. — в дни поездки по Италии и тяжелых раздумий о судьбах современной цивилизации. Чтение производит на Блока чрезвычайно сильное впечатление и наводит на мысли о смысле жизни — своей и окружающих его людей: «Волнение идет от «Войны и мира» (сейчас кончил второй том), потом распространяется вширь и захватывает всю мою жизнь и жизнь близких и близкого мне».⁹³ Итогом размышлений, связанных с эпопеей Толстого, было, во-первых, представление о современной политике как сфере никчемной деятельности ничтожных людей, мнящих себя двигателями истории и совершенно не видящих подлинных пружин исторического развития. Бесспорно, навеянное образами Наполеона, Сперанского и др., это убеждение, как мы уже говорили, свидетельствовало не о принципиальной «аполитичности» Блока, а о разочаровании в либеральном политиканстве кадетского толка.⁹⁴ С другой стороны, «Война и мир» вновь возрождает у Блока надежды на народ как силу, могущую вывести Родину к торжеству «человеческого» над реакцией: «Днем писал маме, о, если б немцы взяли Россию, а теперь, под влиянием сна Пьера («Война и мир») еще один исход. Всё то же — «народ», «они» (во сне Пьера и наяву). Может быть, Россия и есть торжество «внутреннего человека», постоянный укор человеку «внешнему».⁹⁵ Если поздние произведения Толстого толкали Блока к размышлениям об *интересах* народа, то при чтении

⁹² См.: Л. Н. Толстой, Полное собрание сочинений, т. II, М.—Л., ГИХЛ, 1932, стр. 6 и 5, и т. 12, стр. 322.

⁹³ Записные книжки Ал. Блока, стр. 118.

⁹⁴ См. там же, стр. 116, 123, 124 и др. Д. С. Мережковский с индивидуалистических и либерально-буржуазных позиций считал нужным защитить Наполеона от Толстого. Развенчание Толстым Наполеона Мережковский воспринимает как «неодолимое торжество неодолимой посредственности» над яркой личностью, как отражение «духа всемирной черни», «духа старинного русского лакея Лаврушки и грядущего всемирного лакея Смердякова» (Д. С. Мережковский, Толстой и Достоевский, т. II, Спб., изд. М. В. Пирожкова, 1903, стр. 81). Блок, прекрасно, в нюансах, знавший концепции Мережковского, идет, однако, совершенно иным путем. Не принимая полностью этических идеалов Толстого (см. ниже, стр. 266 настоящей работы), он предельно далек и от проповеди индивидуализма, свойственного Мережковскому. То, что для Мережковского «всемирная чернь», — то для Блока — «народ, венец земного цвета» («В голодной и больной неволе...», 1909). А тот образ, который, при всех оговорках, близок Мережковскому и как яркое «я», и как политический деятель. — для Блока, как и для Толстого, — представитель ничтожного и слепого политиканства. Так происходит активное преодоление Блоком концепций Мережковского — и в целом (переход от интереса к «религии Толстого» — к анализу его социально-политических воззрений), и в деталях (оценка образа Наполеона, а шире — вопрос о роли личности и народа в истории).

⁹⁵ Записные книжки Ал. Блока, стр. 122.

«Войны и мира» тема народа обернулась вопросом о *движущих силах истории*. Как видно из приведенной цитаты, Блок вслед за Толстым связывает ход истории с движениями масс, а не с субъективными намерениями личности. Так возникает (еще до последнего чтения «Войны и мира» в 1909 г., но под явным влиянием этого произведения, прекрасно знакомого Блоку и раньше) чрезвычайно важная для позднего Блока мысль о стихийности исторического процесса. Правда, образы «стихий» входят в творчество Александра Блока до приведенных высказываний о «Войне и мире» и вначале находятся вне круга «толстовских» размышлений о роли народа. В цикле «Снежная маска» (1907), где впервые встречается этот образ, он еще достаточно неопределен. «Стихия» здесь — то субъективное состояние души поэта, бушующие в ней страсти, которые вызывают метели внешнего мира («Я какие хочешь сказки // Расскажу, // Я какие хочешь маски // Приведу», «Ты — стихов моих пленная вязь» (2, 240 и 212), то — свойство внешнего мира, врывающегося извне в душу поэта («Открыли дверь мою метели, // Застыла горница моя // И в новой снеговой купели // Крещен вторым крещеньем я», 2, 216). Но начиная с цикла «Вольные мысли» (1907), образ стихии становится более определенным. Стихия, «ветер» — объективное, внеличностное начало. Человек может понять его и может не услышать этого зова жизни. Поэт мечтает «песни петь и слушать в мире ветер». В «Песне Судьбы», где, как уже говорилось, размышления над произведениями Толстого оставили наиболее глубокий след, понятие «стихия» уже прямо сближено с представлением о народе. Идя по пути, указываемому ветром, Герман приходит к Фаине — России. Правда, Фаина — сегодняшняя Россия — сама изнемогает от «тишины» и молит: «Бури! Бури!» Но если буря, ветер, стихия вырвется наружу — она проявится прежде всего в Фаине, через неё. Поэтому-то для Германа выход на широкую дорогу истории — это путь к последней, окончательной встрече с Фаиной. Еще ближе к толстовским размышлениям о «стихий» статьи о народе и интеллигенции и особенно, конечно, — статья «Стихия и культура». «Стихия» здесь — понятие многозначное (как и все блоковские «термины-образы») и включает в себя не только представление о «природном», «естественном» как противопоставленном «искусственной» жизни интеллигенции. «Стихия» — это еще и объективное начало истории, перед которым бессильны разум и воля «культурной личности». Личное — ничто перед стихией. Поясняя эту свою мысль, Блок не случайно вспоминает «Войну и мир» Л. Толстого: «Цвет интеллигенции, цвет культуры пребывает в вечном <...> сне». И «вдруг, в минуту истории, когда Толстой пишет «Войну и мир» <...> отклоняется в обсерватории стрелка сейсмографа». И тогда-то и обнаруживается бессилие личного начала перед объективным ходом жизни: «Перед лицом

разбушевавшейся стихии приспущен надменный флаг культуры». Проявления «стихии» — многообразны: это и подземные сейсмические силы, и «другая, такая же страшная, не подземная, а земная стихия — народная». (VIII, 25, 26): Люди народа — «стихийные люди» (ср. Наташу Ростову, Платона Каратаева, рядовых участников Бородинского сражения в «Войне и мире»). Они являются бессознательными носителями Духа истории. Именно через них осуществится и переход от настоящей России к России будущего.

Блок (как и Толстой в «Войне и мире») не отвечает на вопрос, каковы причины, приводящие в движение народы. Не принимая материалистического объяснения законов общественного развития (ср. в той же статье иронические слова об «истории, той самой истории, которая, говорят, сводится попросту к политической экономии», VIII, 23), Блок далек и от каких-либо иных решений.⁹⁶ Он сознательно ограничивается констатацией того, что законы истории не зависят от воли человека и что проявляются эти законы через стихийное движение народов, чьи интересы крайне далеки от интересов современной «интеллигенции», отделены от них «недоступной чертою».

И все же Блок, что вполне естественно, не может ограничиться одной констатацией враждебности «народа» и «интеллигенции», бессилия личности перед «стихией». Причисляя себя к «интеллигенции», он напряжённо ищет выхода на широкие дороги истории, к «народу». И здесь происходит последняя. (для периода 1907—8 гг.) «встреча» с Толстым.

Как известно, излюбленной мыслью Толстого, пронизывавшей все его произведения от «Казаков» до статей 1900-х гг., было представление о двух путях к нравственному совершенству. Один — для людей из народа. Собственно, это даже и не путь, поскольку сам народ, в своем существе, — уже высокая нравственная норма. Человеку из народа надо лишь оставаться самим собой — стихийным членом человеческого «роя», не поддаваться «власти тьмы», вырывающей его из «естественной» патриархальной жизни. Другой путь — для людей, принадлежащих к среде, уклонившейся от «природы», к среде ложной, извращенной. Для них путь к нравственному идеалу (черезвычайно трудный, порой — в «Казаках», например, — совершенно невозможный и все же — единственно реальный!) — это моральное самоусовершенствование, приближение к народу через отказ от эгоизма помещицкой, светской, политической и т. д. жизни. А отказ от эгоизма мыслится Толстым как аске-

⁹⁶ В этом смысле Блок также считает свою позицию близкой к толстовской. Толстой тоже решал все «проклятые вопросы» «в форме, не удовлетворяющей требованиям науки» (Записные книжки Ал. Блока, стр. 100), и сила, великость Толстого — не в решении, а в постановке вопроса о роли народа в истории.

тическая жертва внешними материальными благами ради торжества «внутреннего человека»: «Только жертвой благами этой жизни движется вперед человечество».⁹⁷ Эти представления Толстого оказали на Блока двоякое воздействие.

Во-первых, ему была очень близкой толстовская мысль о нравственном самоусовершенствовании как совершенствовании *личном*, о личной ответственности человека за борьбу со злом жизни. Мысль эта проходит красной нитью через записные книжки и письма Блока 1907—8 гг., обуславливая уже отмеченную выше высокую оценку замысла «газеты одиноких». Если с политической стороны «одинокость» означало для Блока разрыв с либерально-буржуазным окружением, то с этической она было реализацией одного из центральных положений толстовского нравственного учения. Толстой писал: «Каждому человеку нашего мира и времени» необходимо «на минуту остановиться в своей деятельности, забыть то, чем его считают люди: императором, солдатом, министром, журналистом <...> Прежде чем я император, солдат, министр, журналист, — должен ответить себе всякий человек нашего времени и христианского мира, — прежде всего я человек».⁹⁸ Именно в том, чтобы каждый человек перестал быть *членом несправедливого общества* и стал «отдельным человеком» — «самое верное и несомненное избавление людей от всех бедствий».⁹⁹ Только порвавший с ложным обществом человек может стать членом нормального общества. Таков же смысл блоковских слов о том, что «одинокий — *tabula rasa*. Искать *людей*. Написать доклад о единственном возможном преодолении одиночества — приобщение к народной душе».¹⁰⁰

С другой стороны, Блок соприкасается с Толстым и в понимании нравственного облика человека, идущего путем истины.

Далекий от марксистского, материалистического представления о классовой борьбе, Блок, естественно, ищет, в первую очередь, нравственных путей к «народу». Путь же (очень нечетко намеченный — и Блок этого не скрывает!) состоит в том, чтобы «полюбить Россию» («Народ и интеллигенция»). А для этого необходимо «отречься от себя», «от своего эгоизма» («Ирония»), «стать больше себя» («Душа писателя», 1909). Мысль эта, разумеется, приходит к Блоку не только через Толстого, она не случайно выражена в приведенных цитатах (кроме последней) словами Гоголя, Ибсена и Вл. Соловьева. Но она приходит и через Толстого — не случайно свое требование нравственного совершенствования с целью приблизиться к народу Блок определяет

⁹⁷ Л. Н. Толстой, Полное собрание сочинений, т. 36, стр. 202. («Единое на потребу», 1905).

⁹⁸ Л. Н. Толстой, Полное собрание сочинений, т. 36, стр. 119. («Одумайтесь!», 1904).

⁹⁹ Там же, стр. 120.

¹⁰⁰ Записные книжки Ал. Блока, стр. 88.

как «духовную диету» («О современном состоянии русского символизма», 1910).

Еще явственнее связь мыслей о нравственном совершенствовании с кругом «толстовских» представлений ощущается в стихотворении «Май жестокий с белыми ночами...» (1908). В. Н. Орлов¹⁰¹ совершенно справедливо говорит о дословной близости последних строк этого стихотворения:

Но достойней за тяжелым плугом
В свежих росах поутру идти, —

с концовкой статьи «Солнце над Россией». Можно лишь добавить, что в обоих случаях, по-видимому, образ «землепашца» Толстого навеян впечатлениями от картины И. Репина, которую Блок видел в Третьяковской галерее еще в 1902 г.¹⁰²

Значительно важнее, однако, что именно толстовский путь — путь тяжелого крестьянского труда — Блок рассматривает как самый «достойный», нравственный. Это позволяет включить в круг «толстовских» настроений (конечно, не в буквальном, а в широком смысле слова) и целый ряд других стихотворений 1907—8 гг., где говорится о жертве, тяжелом труде, отречении от эгоизма, как о единственно возможном для самого поэта пути. Эти настроения впервые мелькают уже в 1906 г. В стихотворении «Холодный день» безнадежно тяжелый, «проклятый» труд героя и героини этого стихотворения, их отказ от радостей жизни:

Нет! Счастье — праздная забота,
Ведь молодость давно прошла.
Нам скоротает век работа,
Мне — молоток, тебе — игла, (2, 191) —

вместе с тем есть путь к «людям». В 1907 г. эти настроения усиливаются. Путь к родине — через страдание, «распятие» («Осенняя любовь», I); самое высшее наслаждение — «уродский горб» за «долгой и честной работой, за долгим и честным трудом» и сознание, что «другим будет сладко» («Заклятие огнем и мраком», 10). Эту мораль аскетизма, сурового нравственного долга, жертвы сам Блок считает народной. Отвечая в письме матери на критику Н. Клюевым «Вольных мыслей» за «индивидуализм» и «аморализм», Блок пишет: «Клюев мне <...> пишет <...> и не то, что о «порнографии» именно, а о более сложном чем-то», что сам поэт считает «самым ценным в них», т. е. в народе.¹⁰³ Сразу же после этих слов следует упоминание Л. Н. Толстого как человека, чьи взгляды близки к народному пониманию нравственного.

¹⁰¹ См. стр. 232 настоящей работы.

¹⁰² См. стр. 234 настоящей работы.

¹⁰³ Письма Александра Блока к родным, т. I, стр. 228.

И всё же органически принять толстовскую этику жертвы, аскетизма Блок не может. Еще в юности поэт постоянно размышляет о глубоком родстве этического и эстетического.¹⁰⁴ Мысли эти вначале получают мистическую окраску (образ Прекрасной Дамы), затем оттесняются (хотя и не окончательно) субъективистским отрицанием этики во имя эстетики (ряд стихотворений из «Распутий», «Города», цикл «Снежная маска» и др.). Но именно в конце 1907 — в 1908 гг. они возникают с новой силой как потребность жизни не только нравственной, но одновременно и яркой, прекрасной,¹⁰⁵ как моральное оправдание права человека на земное счастье («Вольные мысли»). Всё это, конечно, весьма далеко от аскетической морали Толстого. Здесь и возникает характерное для позднего Блока противоречие. — Борьба с аскетической моралью у Блока неизменно дает «крен» к индивидуализму,¹⁰⁶ а попытки преодолеть декадентский субъективизм и индивидуализм — «крен» в сторону этики самоотречения и жертвы. Полнокровный, жизнеутверждающий, «ренесансный» блоковский герой или одинок («Вольные мысли»), или, сливаясь с народом в пламенных и страстных хороводах:

С ума сойду, сойду с ума,
 Безумствуя, люблю... и т. д., —

(«Заключение огнем и мраком, 9», 2, 281),

он тем самым молча принимает современную, реальную жизнь за «норму», «примиряется» с ней только за то, что она — земная, посюсторонняя, а не мистически бесплотная:

Принимаю тебя, неудача,
 И удача, тебе мой привет,
 В заколдованной области плача,
 В тайне смеха — позорного нет.
 Принимаю...
 Окрыленный простор поднебесий
 И томления рабьих трудов (Там же, 1; 2, 272).

А как только встает вопрос о борьбе со «страшным миром» и о приобщении в этой борьбе «интеллигента» к интересам «униженных», — Блок не может увидеть иного пути, кроме «толстовского».

Интересно, что и самого Толстого Блок ощущает и как образец самоотречения, как человека, указавшего людям «достойный» путь — «с тяжелым плугом», и как ярчайшую, самобытную личность — Гения. Ведь в обеих статьях о Толстом он про-

¹⁰⁴ См.: Юношеский дневник Александра Блока, в кн.: Литературное наследство, т. 27—28, М, 1937, стр. 336.

¹⁰⁵ Не отсюда ли в письмах и дневнике начала 1910-х гг. — восхищение Чеховым, чеховским театром с его тоской о гармонически прекрасной жизни?

¹⁰⁶ Что осознает и сам Блок, например, в цитированном выше письме к матери по поводу ключевского отзыва о «Вольных мыслях».

тивостоит реакции и вдохновляет современников на борьбу с ней именно потому, что он величайший Гений современности. Сама яркость личности, *яркое выражение человеческого в человеке* противопоставляет его «подземным» силам. А «свежие росы» делают его тяжелый нравственный путь и путем прекрасным. Это двойное колебание было результатом неудовлетворенности Блока любой формой идеалистической этики и, вместе с тем, — невозможности противопоставить ей материалистическое понимание морали.

Не умея найти «синтеза» этих двух подходов к этике, Блок колеблется между двумя разными решениями, и они противоречиво сосуществуют в его лирике не только конца 1900-х гг., но и последующего десятилетия. При этом, однако, в 1910-х гг. каждое из этих решений оказывается и связанным, и не связанным с Толстым. Из прославления самоограничения, «духовной диеты» рождается «Соловьиный сад» (1915), отчасти — «Роза и крест» (1912). Но отсюда же — характерное для Блока и неприемлемое для Толстого переосмысление жертвы как революционной:

Пройдет весна — над этой новью,
Вспоенная твоею кровью,
Созреет новая любовь

(«Я ухо приложил к земле.. », 3, 86).

Это путь отвержения эгоистического счастья «красивых уютов», путь «смирения» во имя борьбы за счастье «униженных». На этом пути будут созданы цикл «Ямбы» и концовка поэмы «Двенадцать».

Из прославления права человека на земное счастье вырастает в 1910-х гг. понимание «цыганского», и здесь тоже произойдет своеобразная «встреча» с Толстым.

Таков круг идей, так или иначе связанных с именем Толстого и отразившихся в творчестве Блока 1907—8 гг. В дальнейшем интерес Блока к Толстому не исчезает уже никогда. Так, поэт читает новые появляющиеся в печати статьи Л. Н. Толстого¹⁰⁷, обращая внимание матери на наиболее близкие ему (Блоку) по настроениям¹⁰⁸. Блок глубоко взволнован в дни ухода¹⁰⁹ и смерти¹¹⁰ Толстого. 16 ноября 1910 г. он посещает заседание Религиозно-Философского общества, посвященное памяти великого писателя.¹¹¹ И, однако, 1909—10 гг. — время явного отхода от

¹⁰⁷ Письма Александра Блока к родным, т. I, стр. 250.

¹⁰⁸ Там же, стр. 256.

¹⁰⁹ Там же, т. II, Academia, 1932, стр. 95.

¹¹⁰ Там же, стр. 97.

¹¹¹ Там же, стр. 99.

круга «толстовских» настроений. Это и понятно. — В самые глухие годы реакции автор «Итальянских стихов», полностью отвергая буржуазную действительность, вместе с тем, не верит и в действительность борьбы с ней, считая, что «лишь в легком челноке искусства от скуки жизни уплывёшь» («Флоренция, 6; » 1909). Но и в искусстве вкусы поэта изменяются: он отходит от свойственного ему в 1907—8 гг. напряженного интереса к демократическим традициям реалистической литературы. В статье «О современном состоянии русского символизма» (1910) Блок связывает вновь свои творческие надежды с символизмом, утверждая, что «солнце наивного реализма закатилось». В эти годы Блок пытается увидеть «ограниченность» и толстовского реализма, критикуя его с весьма противоречивых, во многом субъективистских позиций. Так, мысль Блока: «Искусство есть только космос — творческий дух, оформливающий хаос (душевный и телесный мир)»¹¹², — включает в себя борьбу с декадентским стремлением подчеркнуть в искусстве непознаваемость, хаотичность мира. Но она же подразумевает и представление о том, что реальный мир действительно хаотичен, а «космос», закономерность в него вносит сам человек. Поэтому, считает Блок в 1909 г., искусство должно не отображать мир в его реальном многообразии, а создавать его «математические» формулы, вносимые в жизнь «творческим духом» художника. С этих позиций Блок критикует весь (кроме Пушкина) реализм XIX в. и, в первую очередь, Толстого и Достоевского. Особенности возражения вызывает у поэта психологизм — «разливанное море» бесконечной психологии»¹¹³, — которое, якобы, не помогает понять законы жизни, а создает «гениальную путаницу».¹¹⁴ Реалистическому психологизму противостоит позитивистски истолкованный идеал «научного искусства» (проза В. Брюсова, романы Г. Уэллса и даже... «Стереоскоп» А. П. Иванова), якобы, вносящего в мир «строгую математичность»¹¹⁵. Блок утверждает: «Наши великие писатели (*преимущественно* о Толстом и Достоевском) строили всё на хаосе («ценили» его), и потому получался удесятенный хаос, т. е. они были плохими художниками. Строить космос можно только из хаоса».¹¹⁶

Из произведений Л. Н. Толстого Блоку в эти годы продолжает оставаться наиболее близкой лишь «Война и мир»¹¹⁷. Поэт сдержанно отзываясь как о романе «Анна Каренина», критикуемом опять-таки за «психологическую путаницу»¹¹⁸, так и о

¹¹² Письма Александра Блока к Е. П. Иванову, стр. 73.

¹¹³ Там же.

¹¹⁴ Там же.

¹¹⁵ Там же, стр. 74.

¹¹⁶ Там же. Ср. также: Записные книжки Ал. Блока, стр. 130—131. Разрядка А. А. Блока.

¹¹⁷ См. выше, стр. 261 настоящей работы.

¹¹⁸ Записные книжки Ал. Блока, стр. 106.

публицистике Толстого — статье «Христианство и смертная казнь».¹¹⁹ Даже «Война и мир» кажется Блоку «устаревшей»: неторопливость, «блистательность, вальяжность», «плавность» повествования не подходят для отображения темпов сегодняшней жизни, считает А. Блок.¹²⁰

Однако, к 1911—13 гг. относится новое оживление интереса к творчеству Л. Н. Толстого. Внешне оно было вызвано чтением первых посмертных изданий Толстого: писем¹²¹, томов из собрания сочинений¹²², неопубликованных при жизни художественных произведений, выпущенных цензурой мест из «Хаджи Мурата»¹²³ и т. д. По существу же это второе сближение Блока с кругом толстовских идей совпало с окончанием эпохи столыпинской реакции и с новым взлетом социальных интересов поэта. Эта вторая «встреча» с Толстым не была связана с восприятием столь широкого круга новых для поэта толстовских идей, как первая. Во многом сейчас происходит просто возрождение забытых в 1909—10 гг. настроений 1907—8 гг. Так, 13 ноября 1911 г. Блок записывает: «Гениальнейшее, что читал — Толстой «Алеша Горшок».¹²⁴ Запись эта, безусловно, связана с размышлениями о сущности характера русского народа. Перечитывая 22 ноября 1911 года «Фальшивый купон», Блок испытал прилив «мучительного стыда» за ложь современной (да и своей) жизни¹²⁵. Чтение произведений Толстого сопровождается новой волной антиурбанистических настроений¹²⁶ и, вместе с тем, как и раньше, отказом от идеала патриархальной жизни («Лучше вся жестокость цивилизации, всё «безбожие» «экономической» культуры; чем ужас призраков — времен ушедших»)¹²⁷. Множество записей посвящено вновь появившимся мыслям о «мучениях человека»¹²⁸ в современном обществе и о том, что путь к нравственному возрождению лежит через возрастание чувства личной ответственности: «Сквозь все «фальшивые купоны» проходить можно только собственной тяжестью, ве-
сом».¹²⁹ и т. д., и т. п.

Однако в эти годы мы встречаем и новое в интересе А. Блока к творчеству Толстого. В первую очередь, это интерес к толстовскому реализму (психологизму в частности), не выступавший в 1907—8 гг. на первый план. Если критика «психологизма»

¹¹⁹ Письма Александра Блока к родным, т. I, стр. 250.

¹²⁰ Записные книжки Ал. Блока, стр. 131.

¹²¹ Письма Александра Блока к родным, т. II, стр. 120.

¹²² Дневник Ал. Блока, 1911 — 1913, стр. 33, 50.

¹²³ Письма Александра Блока к родным, т. II, стр. 196.

¹²⁴ Дневник Ал. Блока, 1911—1913, стр. 38.

¹²⁵ Там же, стр. 45.

¹²⁶ Там же, стр. 59, 60, 61.

¹²⁷ Там же, стр. 88.

¹²⁸ Там же, стр. 99, 124 и др.

¹²⁹ Там же, стр. 90.

была для Блока 1909—10 гг. критикой Толстого, то теперь чтение Толстого (конечно, наряду с другими общественными и литературными факторами, например, с увлечением театром Станиславского) вновь приводит поэта к мыслям о необходимости «реальности» и прогрессивности реалистического искусства. Так, 30 октября 1911 г. Блок записывает в дневнике: «Мы ругали «психологию» оттого, что переживали «бесхарактерную» эпоху <...> Эпоха прошла, и, следовательно, нам опять нужна вся душа, всё житейское, весь человек <...> Возвратимся к психологии <...> Назад к душе, не только к человеку, но и ко «всему человеку» — с духом, душой и телом, с житейским — трижды так».¹³⁰

Интерес к психологии, как видим, идет рядом с интересом к быту («житейскому»), а весь круг вновь возникших интересов оценивается как возвращение «к человеку»: реализм для Блока — не сумма приемов, а художественное выражение идей гуманизма, человечности. Любопытно, что «толстовские» мысли о личной ответственности теперь поворачиваются для Блока отказать считать себя символистом или участником каких-либо направлений модернистского искусства 1910-х гг. «Надо <...> показать свое печальное человеческое лицо, а не псевдо-лицо несуществующей школы».¹³¹ Антитеза «человек» — «член несправедливого общества» приобретает новый вид: «человек» — «участник отживших свой век «ложных» литературных группировок». Эта мысль пронизывает дневник 1911—13 гг., отражается в переписке поэта¹³² и т. д.

Конечно, само собой разумеется, что художественный метод Блока 1910-х гг. весьма далек от толстовского реализма. Социальное и психологическое в лирике Блока соотносятся не как причина и следствие, а как параллельные проявления некоего, объективного, но духовного начала мира — «мировой души», «духа музыки» и т. д. Подобное построение образа, не будучи реалистическим, вместе с тем, однако, было полностью лишено элементов субъективизма: внимание художника обращалось не на «иные миры» (как в «Стихах о Прекрасной Даме») и не исключительно на авторское «я» (как в «Снежной маске»), а на реальную действительность в ее многообразии. Это дает возможность Блоку 1910-х гг. обращаться (не соединяя их воедино по принципам реалистической эстетики!), то к изображению быта, (например, в поэме «Возмездие»), то — чаще! — к показу человеческой психологии (например, в стихотворении «Женщина», 1914).

¹³⁰ Дневник Ал. Блока, 1911—1913, стр. 28.

¹³¹ Там же, стр. 97.

¹³² См., например: Е. М. Тагер, Блок в 1915 году, Ученые записки Тартуского гос. университета, выпуск 104, Труды по русской и славянской филологии, IV, Тарту, 1961, стр. 303.

Еще непосредственнее связаны с кругом «толстовских» настроений «цыганские» мотивы в лирике Блока 1910-х гг. Подобное утверждение может, на первый взгляд, показаться произвольным: исследовательская традиция связывает «цыганщину» позднего Блока с Ап. Григорьевым, и такое сопоставление имеет бесспорные основания. В поэзии Ап. Григорьева Блок находил поэтическое выражение той сложной диалектики бурных душевных переживаний, то сочетание настроений «буйного похмелья» и «горького веселья»,¹³³ которое он считал свойством, близким русскому национальному характеру. Однако, понимание «цыганского» у Блока имеет и иной источник. Если толстовскую этику самоотречения, аскетизма Блок принимал скорее умом, чем эмоционально, скорее как замену иных, неясных для поэта, но более привлекательных путей к народу и России, то в огромном наследии Толстого он находил и иное, неизмеримо более близкое ему решение волновавших его вопросов. От «Двух гусаров», через деда Ерошку в «Казаках», через совсем не по-караттаевски «стихийную» и «роевую» натуру Наташи Ростовской, через ряд сцен в «Анне Карениной» — до «Живого трупа» и «Хаджи Мурата» протянулась цепь образов, смысл которых никак не совместим с утверждением морали жертвы и аскетизма. Герои этого типа — от Турбина-отца до Феди Протасова — прекрасны не самоограничением, а яркостью, сложностью, страстностью их натур, следованием зову «живой жизни». Оправданием героев этого ряда¹³⁴ была обычно принадлежность их к не подлежащей нравственному суду «стихийной», «роевой» жизни народа (как в узком — казак Ерошка, — так и в широком — национальное начало в характерах Турбина-отца, Наташи Ростовской — значении этого слова). В «Живом трупе», однако, Федя Протасов оправдан не только с позиций антропологического представления о природе человека, не только как самый «естественный» и, следовательно, самый человеческий герой драмы. Он оправдан и социально: не имея сил пойти по самому лучшему жизненному пути — «быть героем», — он не пошел и по худшему — «увеличивать ту пакость, в которой живешь». Федя не стал «человеком государства». Его падение и сама гибель — форма неприятия лжи современного общества. И в этом он неизмеримо благороднее не только судящих его (по отношению к «судящим» права и Анна Каренина!), но и более — с позиций отвлеченной морали — нравственных, чем он, «добродетельных» Каренина и Лизы.

Весь этот круг представлений оказался чрезвычайно близким А. Блоку. Еще в конце 1900-х гг., до знакомства с драмой

¹³³ Стихотворения Ап. Григорьева, М., изд. К. Ф. Некрасова, МСМХVI, стр. 187.

¹³⁴ За исключением Анны Карениной, оценка которой двойственна.

Л. Толстого, у Блока мелькают мысли о том, что из числа современных интеллигентов наиболее «национален» сейчас герой, органически не принимающий существующего и, вместе с тем, не знающий путей к будущему, идущий путями сложными, запутанными, часто ошибочными и вовсе не «нравственными», а порочными. — Он «большую часть жизни не знает ничего. Только надеется на какую-то Россию, на какие-то вселенские ритмы страсти: и сам изменяет каждый день и России, и страстям», — подобно герою неосуществленной пьесы Блока.¹³⁵ Этот герой по-своему близок к народу, но не к народу-идеалу, а к сегодняшней России, тоже запутавшейся, потерявшей, «изменяющей» себе самой. Но как в сегодняшней Руси есть Русь будущая, так и в этом герое есть правда совместного с Родиной пути. Такие мысли о современном герое были совершенно естественными у художника, не приемлющего «страшного мира», отвергающего все известные ему «рецепты» изменения действительности — от мистических чаяний I тома до политической борьбы буржуазных либералов — и вместе с тем не знающего никаких более действенных выходов. С новой силой эти настроения возникли в конце периода реакции. Концепции «Живого трупа» оказались поэтому чрезвычайно близко поэту. «Живой труп» был впервые напечатан 23 сентября 1911 г. в газете «Русское слово», постоянно в это время бывшей в круге внимания поэта.¹³⁰ Этим же периодом — «осень 1911» — помечено и начало работы над стихотворением «Да. Так диктует вдохновенье...» цикла «Ямбы». Оно представляет собой почти точную передачу смысла известного монолога Феди Протасова: «Всем ведь нам в нашем круге, в том, в котором я родился, три выбора — только три: служить, наживать деньги, увеличивать ту пакость, в которой живешь. Это было мне противно <...> Второй — разрушать эту пакость; для этого надо быть героем, а я не герой. Или третье: забыться, пить, гулять, петь. Это самое я и делал»^{136а} У героя блоковского стихотворения (т. е. у героя поэмы «Возмездие») — те же возможности:

Дай гневу правому созреть,
 Приготовляй к работе руки....
 Не можешь — дай тоске и скуке
 В тебе копиться и гореть

Отрицая и первый выход, стоявший перед Федей Протасовым, — «вернуться в красивые уюты» («Земное сердце стынет вновь...», 1911—6 февраля 1914) — и не видя пока иных кон-

¹³⁵ Записные книжки Ал. Блока, стр. 96.

¹³⁶ См.: Дневник Ал. Блока, 1911—1913, стр. 57, 62, 64—65 и мн. др.

^{136а} Л. Н. Толстой, Полное собрание сочинений, М. —Л., ГИХЛ, 1952, т. 34, стр. 75—76.

кретных путей к будущему, Блок естественно приходит к выводу о правоте героя «протасовского» типа:

... Заройся в землю — там замри,
Всю жизнь жестоко ненавида
И презирая этот свет,
Пускай грядущего не видя,
Дням настоящим молвив: нет! (3, 93).

Эта же мысль — и в плане продолжения поэмы «Возмездие», также относящемся к 1911 году: *«Человек, опускающий руки и опускающийся, прав. Нечего спорить против этого. Всё так ужасно, что личная гибель, зарывание своей души в землю — есть право каждого. Это — возмездие той кучке олигархии, которая угнетает весь мир»* (3, 495).

В этой связи нельзя не вспомнить и другого наброска — содержания драмы «Нелепый человек» (9 декабря 1913 г.) История героя этой несозданной драмы, бесспорно, автобиографична. Но она живо напоминает и историю Феди Протасова: это путь от «чистой» любви к «падению» и смерти. «Падение» же как по внешним формам проявления («город, ночь, кабак, цыгане») ¹³⁷, так и по внутренним мотивам («постоянное опускание рук — неё скучно и всё нипочем») ¹³⁸ близко к герою «Живого трупа». Главное же — сам облик героя, у которого всё — «живое», всё «богато — и легко, и трудно», который «говорят — развратник» («вечная сплетня, будто расходуется с женой») ¹³⁹, а по сути — большой, прекрасный человек. Совершенно не объяснимая логически, «безнравственная» с точки зрения пошлой морали, история этого человека богата, «как жизнь сама». ¹⁴⁰ Непонятная «всем», она понятна женщинам (девушка за оградой — его «на всю жизнь»; «когда он умер <...> только одна женщина рыдает — безудержно»). Именно сложный, «пропащий» и «безнравственный» герой — самый прекрасный, т. к. один он постоянно чувствует пустоту и подлинную нелепость окружающего. Сложный герой выше прямолинейно-«добродетельного», т. к. его запутанные дороги ближе к путям Родины, его характер глубоко национален. И вместе с тем «нелепый человек» — действительно человек, не реализовавший своих богатых возможностей», «сгоревший» без цели. Всё это от общей концепции до деталей (ср., например, всеобщее осуждение Феди и отношение к нему Саши, Маши, даже — Лизы) не может не напомнить именно «Живой труп».

Близко к толстовской драме и понимание народного, прекрасного. Еще в 1907 г. Блок соединяет понятие народного и

¹³⁷ Дневник Ал. Блока, 1911 — 1913, стр. 214.

¹³⁸ Там же.

¹³⁹ Там же.

¹⁴⁰ Там же.

«цыганского»: цыганкой называют Фаину в «Песне Судьбы», красавице-цыганке, противопоставленной мещанству, он пишет в записной книжке¹⁴¹ и в предисловии к сборнику «Земля в снегу» (1908). Но пока что в лирике Блока в понятие «цыганского» включается или страсть как мечта, как «вольная воля», достижимая лишь в поэтических снах, противопоставленная пошлой действительности, или страсть как гибель, образ бессмысленно догоревшей жизни («Опустишь, занавеска линияля...», 1908; «Когда-то гордый и надменный...», 1910) или не знающей своих путей Фаины. В этом смысле в дневнике 1911 года (30 октября) «человеческому», земному противопоставлены «цыганские сны», которыми «можно только сгорать».¹⁴² Однако в дальнейшем смысл «цыганских» образов у Блока несколько меняется.

29 марта 1912 г. Блок смотрит «Живой труп». Постановка производит на него большое впечатление (особенно — игра Станиславского) и запоминается до деталей.¹⁴³ Не приняв игры исполнителей ролей цыган («А цыгане — разве это цыгане? Нет, цыгане не таковы»)¹⁴⁴, Блок, очевидно, был под сильным впечатлением самих этих образов толстовской драмы. По крайней мере, через 2 дня (одновременно с записью о просмотре пьесы) Блок выражает в письме к Н. Н. С.<кворцовой> мысли, несомненно, навеянные образами цыган в «Живом трупе»: «Мир прекрасен и в отчаянии — противоречия в этом нет. Жить надо и говорить надо так, чтобы равнодействующая жизни была истовая цыганская, соединение гармонии и буйства, и порядка, и беспорядка. Иначе — пропадешь. Душа моя подражает цыганской, и буйству и гармонии её вместе, и я пою тоже в каком-то хору, из которого не уйду».¹⁴⁵

Теперь «цыганское» — это понятие, не противостоящее реальному миру. Это — сама реальная жизнь во всей её противоречивости, в её радостях и горестях. Ярko ощущая в 1910-х гг., что все надежды человека связаны с землей, с реальностью, а не с «мистикой», и вместе с тем не желая ни в малой степени примириться со злом этого мира, Блок формулирует свое новое-сложное отношение к миру словами: «Мир прекрасен и в отчаянии», — и выражает его в «цыганских» образах уже иной, чем в 1908—9 гг., тональности. Теперь это не «безумная, сонная, и прекрасная, и отвратительная мечта» («Когда-то гордый и надменный...», 1910), а «невозможное счастье» живой жизни, полной противоречивых страстей («Натянулись гитарные струны...», 1913). Таков же смысл цыганских образов цикла «Кармен», где

¹⁴¹ См.: Записные книжки Ал. Блока, стр. 73.

¹⁴² Дневник Ал. Блока, 1911 — 1913, стр. 28.

¹⁴³ См., например, упоминание об игре Лилиной в «Живом трупе» в письме матери от 17. VI. 1912 (Письма Ал. Блока к родным, т. II, стр. 204).

¹⁴⁴ Дневник Ал. Блока, 1911—1913, стр. 92.

¹⁴⁵ Там же.

говорится именно с сложности, противоречивости жизни: «Мелодией одной звучат печаль и радость» («Нет, никогда моей...», 1914), но не о бессмысленности и отвратительности её.

«Цыганские» образы отражают отношение Блока не только к реальной, посюсторонней действительности, но и к «народу» (к «хору», в котором он поет) и к вопросам этики. Противоречия жизни — это и противоречия сегодняшнего — не идеального, а реального — народа, который и прекрасен, и унижен, и «венец земного цвета», и «вбитое в землю» «человеческое создание» одновременно. Слияние с таким народом — это слияние в общих страданиях, блужданиях, быть может, гибели; оно не предполагает в человеке знания истинных путей к будущему, т. к. они неизвестны и этому реальному народу. Такое слияние не предполагает аскетической «духовной диеты»: это общее, «в хору», «горькое веселье» сегодняшней жизни, «буйство и гармония» чувств. Именно поэтому, говоря о «нелепом человеке» «прота-совского» типа, — Блок отмечает «цыганщину в нем».¹⁴⁶

Этот круг представлений, конечно, не адекватен трактовке образов цыган в «Живом трупe». Для Толстого цыганские песни — «это степь, это десятый век, это не свобода, а воля»,¹⁴⁷ т. е. мир вольной и поэтической жизни патриархального прошлого. Потому они и пробуждают в душе «восторг» стремления к «настоящему» — к настоящей, а не «искусственной» жизни. Для Блока «цыганское» — характеристика как раз не идеальной, а реальной жизни в её противоречивом многообразии, в её падениях и порывах. А «восторг» — состояние, пронизывающее дневниковые записи Блока 1910-х гг.¹⁴⁸ — это сложное и мучительное чувство приобщения поэта к реальности, к сегодняшнему народу. В реальной жизни так много страшного, с чем поэт теперь (в отличие от периода II тома) ни в малой степени не хочет примиряться! И всё же только через реальность — путь к будущему, которым «одним стоит жить».

*

Итогом пути Блока были годы революции. Поэтому именно в период статьи «Интеллигенция и революция», поэм «Двенадцать» и «Скифы» наиболее отчетливо выявились и те прогрес-

¹⁴⁶ Дневник Ал. Блока, 1911—1913, стр. 214.

¹⁴⁷ Л. Н. Толстой, Полное собрание сочинений т. 34, стр. 22. Противопоставление «свободы» (т. е. «ложных» свобод «цивилизованного общества») и «воли» (истинной свободы человека, не зависящего от пут государства) характерно для всего позднего творчества Толстого. Образы «вольной воли» встречаем и в лирике Блока 1900-х гг. (цикл «Фаина»), Впрочем, если искать литературный источник этих представлений, то им может быть и поэзия Пушкина 1830-х гг.

¹⁴⁸ См.: Дневник Ал. Блока, 1911—1913, стр. 20, 33, 34, 36 и мн. др.

сивные тенденции, которые шли от дореволюционного творчества Блока. Заметки Блока о Толстом в 1917—21 гг. не очень многочисленны и часто носят чисто деловой характер, связанный с издательской работой¹⁴⁹ и с вопросами репертуара.¹⁵⁰ Однако во всех блоковских размышлениях тех лет мы находим отзвуки мыслей, возникших когда-то под влиянием творчества великого писателя. Да и сам Блок, вспоминая годы своей жизни перед Октябрем, к числу важнейших впечатлений относит полученные от толстовских произведений, в частности — от посмертных публикаций в «Летописи».¹⁵¹ Он вновь перечитывает Толстого.¹⁵²

В статьях и поэмах 1918 г. вновь возникает и максималистское отрицание старой России, и максималистское требование к Октябрю — «переделать всё» («Интеллигенция и революция», 1918). Здесь же — уже на новом этапе и значительно видоизмененные — опять возникают мысли об истории как объективном процессе («стихии»), не зависящем от воли личности и проявляющемся через движение народных масс («Ветер поднимается не по воле отдельных людей», — пишет он в статье «Каталина», 1918).^{152a} И сразу же Блок вспоминает о тех, кто умел слушать «стихию»: «Музыкальные звуки нашей жесткой природы всегда стояли в ушах у Гоголя, у Достоевского, у Толстого». Эта же

¹⁴⁹ См.: Дневник Ал. Блока, 1917—1921, Издательство писателей в Ленинграде, 1928, стр. 100, 106.

¹⁵⁰ См. там же, стр. 105—106. Записи о «Легенде» («Петре Хлебнике»), видимо, связаны с постановкой этого произведения Толстого, осуществленной Вс. Мейерхольдом в 1918 г. в Гос. академическом театре драмы (б. Александринском).

¹⁵¹ Там же, стр. 228.

¹⁵² Дневник Ал. Блока, 1917—1921, стр. 159—160. Правда, теперь Блок считает, что личность, которая осознала или почувствовала направление «стихий», может «жить и действовать, несомая ветром» и тем самым играть в истории роль относительно активную («Каталина»).

^{152a} В составе библиотеки Блока (ИРЛИ АН СССР) сохранился экземпляр книги: М. Горький, Воспоминания о Льве Николаевиче Толстом, Пг, изд. Гржебина, 1919. Там же — «Война и мир» (М., 1868) и полный комплект «Сочинений гр. Л. Н. Толстого», тт. 1 — 16, М., 1887—1900. Пометы на страницах этого изд., видимо, сделаны в последние годы жизни, т. к. на книгах имеется владельческий знак матери поэта «А. К. П.», совместно с которой Блоки жили лишь с зимы 1920 г. Ряд помет представляет бесспорный интерес. Так, сцена, в которой Левин рассматривает портрет Анны, напомнила Блоку Достоевского. Он написал: «Наст<асья> Фил<ипповна> также прежде портрет, а потом сама» (т. XI, стр. 219, надпись на полях, черным карандашом). Там же, на стр. 214, стилистическая помета: «Галлицизм». Интересны и подчеркивания в тексте, сделанные тем же карандашом, что и пометы Блока: в «Анне Карениной» (стр. 373) подчеркнута мысль о бесполезности теории, в т. XV, на стр. 80 («Что такое искусство?») большое число подчеркиваний. На стр. 8 внимание Блока привлекла сцена спасения работника Никиты Василием Андреевичем («Хозяин и работник»), на стр. 168 в статье

мысль затем почти дословно повторяется в статье «Крушение гуманизма» (1919).

Вместе с тем, те существенные расхождения с мировоззрением Толстого, которые были ощутимы уже в 1907—8 гг., особенно заметными стали в 1918—19 гг. Блок глубоко чувствует, что толстовский «максимализм» потенциально революционен. Поэтому именно Толстого поэт вспоминает среди тех, кто мечтал о будущей России: «Великие художники русские — Пушкин, Гоголь, Достоевский, Толстой погружались во мрак, но <... > они верили в свет <... > они знали, что рано или поздно всё будет по-новому, потому что жизнь прекрасна» («Интеллигенция и революция», VIII, 49). Поэтому Блок утверждает, что в дни революции, Толстой понял бы сторонников нового. Оперирова «толстовскими» понятиями «природы» и «цивилизации», Блок утверждает, что именно революция «естественна», и потому она была бы неизмеримо ближе Толстому, чем охрана «цивилизации»:

«... Кто обносил решеточкой могилу этого чудака? Кто голосит о том, чтобы над этой могилой не «надругались»? А почему вы знаете, может быть, рад был бы Лев Николаевич, если б на его могиле поплевали и побросали окурков? Плевки — божи,

«Религия и нравственность» подчеркнуто осуждение учения О. Конта, на стр. 177 — слова о религии, как врожденной человеку и т. д.

В РО ИРЛИ — два списка книг — автографы Блока. Они позволяют судить о имевшихся ранее в библиотеке поэта книгах Толстого. В первом списке (ф. 654, оп. 1, № 389) среди книг, проданных в годы Гражданской войны, значатся: «Толстой, Живой труп (2 экз.) с карандашной припиской Блока: «1 — тетина (л. 5 об.),» Л. Толстой, Избр<анные> сочин<ения>. изд. Стасюлевича (л. 6). Во втором списке (1916 г., ф. 654, оп. 1, № 388), снабженном более поздней припиской о судьбе книг, значатся: «Граф Л. Н. Толстой, Сочинения, 14 т.» с пометой: «В Шахматове погибли». После 1917 г. проданы: «Толстой, Сочинения, изд. после смерти (3 т.), Москва, 1911—1912», «Письма, 2 т. <Собр. и ред. П. А. Сергиенко>, Москва, 1910 и 1911». «Толстовский музей, II (Письма Л. Н. Толстого к Н. Н. Страху)» <т. е.: Переписка Л. Н. Толстого с Н. Н. Страхом, 1870—1894, СПб, изд. общ. Толстовского музея, 1914> (л. 182 об.), «Толстовский музей, т. I, Переписка Л. Н. Т<олстого> с гр. А. А. Т<олстой>, 1857—1903, СПб, 1911, (л. 183 об.), «Л. Н. Толстой, Царство божие внутри вас, London, 1898 (л. 184)», «Л. Н. Толстой, Счастье и др. расск<азы>, были и басни, <М., «Посредник», 1911>, «Он же, Беседа досуных людей <М., «Посредник», 1912>, «Это ты» <Л. Н. Толстой, 1. Это ты, 2. Карма, М., «Посредник», 1906>, «Ходынка» <М., «Посредник» 1909 или 1912>, «Тайная вечеря», «Пожарн<ые> собаки и др. расск<азы>, <М., «Посредник» 1911 или 1914>», 2 экз. Для души (собрал Л. Н. Т.) <т. е.: Для души. Изречения мыслителей разных стран и разных веков, сост. Л. Н. Толстой, М., «Посредник», 1910 или 1912>, «Учение Будды (ред. Л. Н. Т., составил Буланже) <т. е.: П. А. Буланже, Жизнь и учение Сиддхарты Готтамы, прозванного Буддой, под ред. Л. Н. Толстого, М., «Посредник», 1911>, «Гр. Л. Н. Толстой («Русск<ая> библи<отека>») <вып. IX, СПб.>, 1879, «Избр<анные> сочинения»», «Л. Н. Толстой, Рассказы для детей, т. XVI сытинского издания (М., 1914) «Сочинения гр. Л. Н. Толстого в двух частях, СПб., 1864, изд. Стелловского, «Гр. Л. Н. Толстой, Война и мир, Москва, 1868—1869».

а решеточка — не особенно» («Интеллигенция и революция» VIII, 51).¹⁵³ Однако при этом Блок намеренно пишет об объективном смысле творчества Толстого, а не о тех рецептах перестройки жизни, которые давал сам Толстой. Совершенно очевидно, что и проповедь нравственных путей совершенствования человека, и толстовское отрицание революции (напр., в 1905 г.) были для автора «Двенадцати» решительно неприемлемыми.

Отсюда понятно и усилившееся расхождение с традициями толстовской этики. Правда, иногда в оценке сегодняшней революции у Блока мелькают мысли о людях нового как о людях, благородно жертвующих собой во имя будущего. «Красная гвардия» — «вода» на мельницу христианской церкви», — записывает он в дневнике 10. марта 1918 г.¹⁵⁴ Эти мысли отразились, как известно, и в концовке поэмы «Двенадцать». Но столь же очевидно, что с именем Христа и с христианской этикой всепрощения Блок не связывал мысли о конечных целях революции.¹⁵⁵ Конечной целью революции должен стать «человек — артист» («Крушение гуманизма»), яркая, гармоническая личность, не жертвующая собой, а способная «жадно жить и действовать» в эпоху борьбы за человеческое счастье (человек «протасовского типа!»). Так, преодолевая слабые стороны толстовского (и — шире — всего допролетарского) демократизма и одновременно осваивая многие лучшие его стороны, приходил Блок к принятию Октября. Конечно, позиция Блока в 1918 г. была глубоко своеобразной. Многих сильных сторон старого демократизма Блок так и не принял до конца жизни; во многом (например, в своих этических построениях) ушел далеко вперед. Но совершенно очевидно, что без длительного и глубокого освоения традиций XIX в. (в частности — толстовских) Блоком 1907—8 гг. не было бы и Блока «Двенадцати».¹⁵⁶

¹⁵³ Эта мысль о «естественности» революции встречается у Блока 1918—21 гг. неоднократно. Ср.: «Один из основных мотивов всякой резолюции — это мотив о возвращении к природе <...> для всякой цивилизации он — мотив похоронный» («Крушение гуманизма»). Сами поэтические синонимы революции у Блока: «стихия», «ветер» — не случайно взяты *из жизни природы* (этим подчеркивается не только внеличностный, народный характер революции, но и «нормальность» её)

¹⁵⁴ Дневник Ал. Блока, 1917—1921, стр. 112.

¹⁵⁵ См. об этом подробнее в моей статье: «Поэма «Двенадцать» и мировоззрение Блока эпохи революции», Ученые записки ТГУ, вып. 87, Труды по русской и славянской филологии, III, Тарту, 1960, стр. 261—278.

¹⁵⁶ Интересен любезно сообщенный А. Ахматовой ее разговор с Блоком в 1913 г. На ее слова: «Б. Лифшиц сказал мне, что ваша поэзия мешает ему писать стихи, — Блок ответил: «А мне мешает писать стихи Лев Толстой». Слова Блока — доказательство того, что он и в 1910-х гг. обдумывал проблемы волновавшие Толстого.